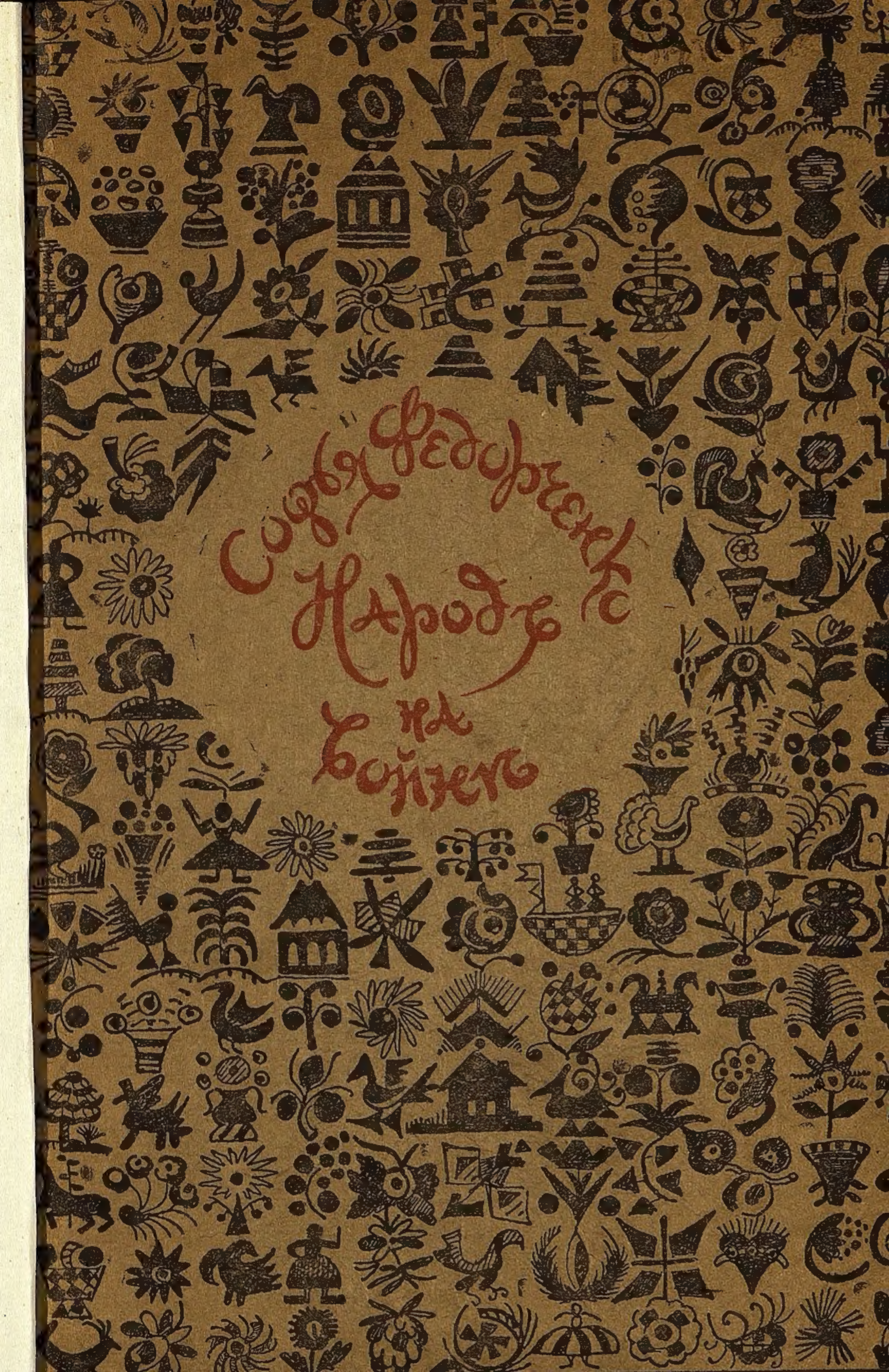
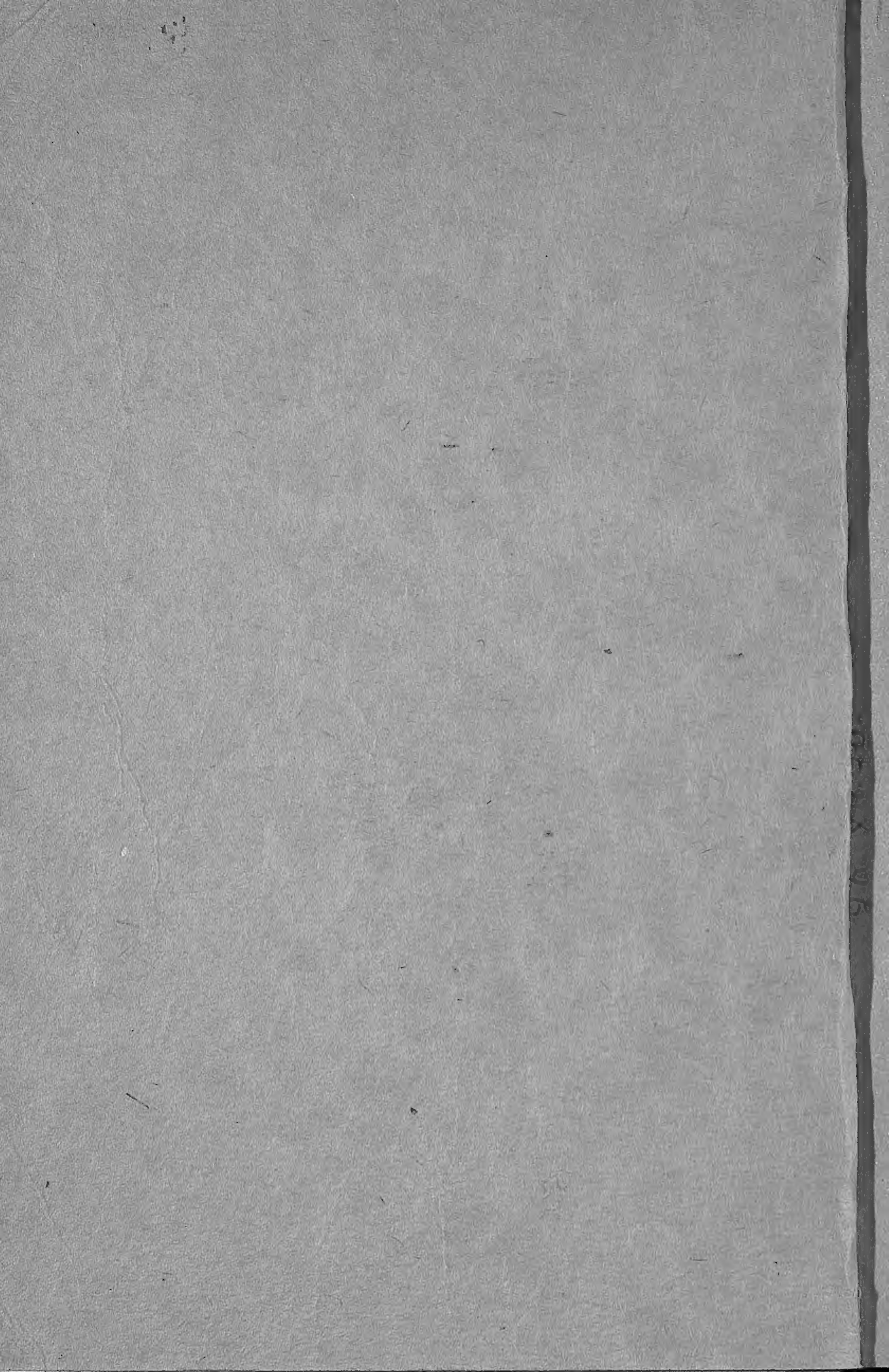

Софья Федорченко
Народ
на
войне

С. ФЕДОРЧЕНКО.

НАРОДЪ НА ВОЙНѢ

ФРОНТОВЫЯ ЗАПИСИ.

Кіевъ
Изданіе Издательскаго Подотдѣла
Комитета Юго-Зап. Фронта Всерос. Земскаго Союза.

Обложка и виньетки
РАБОТЫ Е. И. ПРИБЫЛЬСКОЙ.

КІЕВЪ,
Тип. Всероссійскаго Земскаго Союза Ком. Юго-Зап. Фр. зак. № 2820.
1917.

Отъ автора.

Матеріалы для этой книги собраны мною на фронтѣ въ 15 и 16 годахъ. Была я все время среди солдатъ, записывала просто, не стѣсняясь, часто за работой, и во всякую свободную минуту.

Въ большинствѣ это бесѣды солдатъ между собой. Можно было иногда записывать и при нихъ такъ какъ солдаты привыкли видѣть, что сестра всегда что-нибудь пишетъ (то температуру, то назначеніе, то „на выписку“, то письма) и, не обращая на это никакого вниманія, разговариваютъ.

Лично мнѣ интереснаго говорилось меньше, особенно молодыми солдатами. Они все старались подъ мой уровень подладиться, все думали, что „простое мнѣ не понять будетъ“, а когда начинали говорить на подходящемъ, по ихъ мнѣнію, языкѣ, было скучно, и записывать не стоило. Пожилые солдаты, тѣ чаще разсказывали мнѣ, даже диктовали иногда. Такъ я записала нѣкоторыя пѣсни про войну, сказки, заговоры, преданія: они не всѣ вошли въ эту книгу.

Все записанное слышала я отъ великороссовъ не потому, что другихъ я не встрѣчала, или другіе были не интересны, а потому, что я родилась и росла въ великой Россіи, и этотъ говоръ мнѣ легко и слышать, и помнить, и записывать.

Теперь когда мы теряемъ представленіе о народѣ своемъ, и все кажется такимъ неожиданнымъ и безпричиннымъ, я думаю, что именно теперь эта книга должна появиться...

Софья Федорченко.

P. S. Матеріалъ, собранный въ этой книгѣ, можно было-бы, что называется—„систематизировать“, расположивъ въ извѣстномъ порядкѣ (картины сраженія, бытъ войны, домашній бытъ, политика, любовь, религія, и т. п.), но это скучно, и я этого не дѣлаю. Но нѣкоторая внутренняя связь въ книгѣ—отъ начала до конца соблюдена.

С. Ф.

— Ничего удивительнаго нѣтъ, что ты только простой народъ слушать любишь. Мы тебѣ, что̀ земля чужая,—все новое. А вашъ братъ, барствомъ да науками душу то себѣ грѣлъ-грѣлъ, да и прожегъ насквозь,—зола осталась...

* * *

— Что хорошаго ты видишь здѣсь?... Оно правда, что замужняя, да чего на войну-то пошла?... Развѣ не жаль тебѣ глазъ да ушей?...

* * *

Склони сердце свое къ горечи,
Нечего сердцу горы мѣряти,
Нечего сердцу солнцу вѣрити.
Полемъ, доломъ иди, кровью-потомъ гляди...
По хотѣнію Вильгельмову,
По велѣнію Антихристову
Понапущено войны кругомъ земли...
На корню хлѣба война повыѣла,
На корню людей война повыбила...
Да споконъ вѣковъ, такой не было,
Грома тяжче война, острѣй молоньи
Гнѣва Божьяго, война не милостивѣе...
Черезъ тяжкій грѣхъ французъ мается:
Черезъ свѣтъ ходилъ, людъ чесной губилъ.
Англичанинъ—воды мутилъ,
Всѣ моря смутилъ, себя попустилъ...
А нашъ то мужикъ—землю оралъ;
Землю оралъ—Богу маливался;
Своимъ потомъ землю сдабривалъ,
На томъ поту хлѣба спрашивалъ:
Уродись ты хлѣбъ, сыты по весну
Прокормлю семью, всю я родину...
А чужого русскому не надобно,
За чужой за грѣхъ война зашлась,
А мужикъ горбомъ отдувается...

I.

Нѣмецкій царь до насъ рать свою спосылать задумалъ Собралъ стараго да малаго, глупаго да бывалаго, хилаго да здраваго, робкаго да браваго:—„Идите люди нѣмецкіе на Русь великую, воюйте люди нѣмецкіе вы землю русскую, испейте люди нѣмецкіе вы кровь горячую, умойтесь люди нѣмецкіе—слезами бабьими, кормитесь люди нѣмецкіе—хлѣбами трудными, одѣньтесь люди нѣмецкіе—мѣхами теплыми, согрѣйтесь люди нѣмецкіе—лѣсами темными“.

— Я ему руки держу, и грудью навалился, и ногами ноги его загребъ. И такъ мнѣ несподручно, такъ времени мало, дышать некoли, и одна дума,— жаль до смерти, что рукъ то у меня двѣ только. По старому слажены, а на нѣмца той старины не хватитъ...

— А то еще въ 13-омъ, на Фоминой, пришелъ къ намъ дѣдъ изъ Питера. По многимъ мѣстамъ ходилъ хожалымъ, бывалый мужикъ. Тотъ за вѣрное принесъ что затѣваютъ наши министры войну съ нѣмцемъ, и что нужно де, ту войну провоеваться,—что-бы понялъ народъ, какой онъ ни до чего не годный, и никакихъ себѣ глупостей не просилъ-бы... Такъ оно и вышло. При всей при Европѣ, на голой на ...

— Ахъ, какъ выскочилъ я, направо Алешка, налѣво Петренко. Кричимъ, бѣжимъ, упали.. Зарываюсь, такъ быстренько стараюсь, стараюсь, а кругомъ пуля

визжитъ... Вскочили, бѣжимъ, Алешка бѣжитъ, а Петренки нѣту... Думаю, какъ его убили, такъ и меня убьютъ, какъ его убили, такъ и меня убьютъ... И чего это такая думка пришла, не знаю, а все думаю одно это... Добѣжалъ, и сильно работалъ штыкомъ, лицъ просто не видѣлъ... Невредимъ вернулся... Глотка до того охрипла, три дни хрипѣлъ, съ крику сорвалъ. Въ глазахъ туманъ бѣлый, только скрозь него все и видѣлось то-же дня три... А Петренку убили...

— Подсолнухъ передъ войной все отъ солнца ворочался. Не глядитъ на солнце, да и все... Не одно такое чудо войну предвѣщало. У насъ псина здоровая ушла, пропадомъ пропала, а какъ пришла—щенятъ принесла. Всѣ кутята, какъ кутята, а одинъ—чисто заяцъ. Весь какъ есть...

— Что поднялось!—ровно судъ страшный...Нельзя не покориться, а и покориться—душа не терпитъ... Нѣту разсудку ни краюшка... Теперь помнится, а то, громъ тяжкій, снаряды ревмя ревутъ, рвутся у насъ, раненые вопятъ... И цѣлые-то волчьимъ воемъ воютъ, отъ смертнаго страху... Нѣту того страха страшнѣе... Куда идти?... Не идешь, въ кучу сбились... Молоденькіе крикомъ вопятъ, по звѣрьи... Взялъ онъ револьверъ да ко мнѣ: „вылѣзай“... Я назадъ напираю, земляковъ куча... Я карабкаться, а онъ въ меня выстрѣлилъ чего-то... Не попалъ, только всѣ шарахнулись и въ атаку полѣзли:

— А нашъ ротный, какъ забегъ, за кустъ сѣлъ... а такъ браво кричитъ—„за мной. братцы!“ А куда за имъ, коли у него отъ команды... И что это, видно Господь-то не за войну. Вотъ вѣдь и храберъ, и радъ-бы, а какъ въ атаку идти, такъ въ кусты ...

— Сорвался я съ пригорбка, сажени двѣ пролетѣлъ, и мѣшкомъ о земь. Свѣту не взвидѣлъ, кость во мнѣ покрошилась, и наружу полѣзла. Рветъ мясо живое, ровно я нà зубы попалъ. И кровь то не льется а таково тихо проступаетъ, огнемъ да мукою путь свой торитъ...

— Смотрю изба, оттуда шумъ. Земляки австрійцевъ палить пристроились, а тѣ, злыдни нечистые, бабу горемычную, да ребятокъ ейныхъ двое въ окно кажутъ. Не стерпѣло сердце, подскочилъ бабу съ младенчикомъ въ окно выдралъ, за другимъ сталъ рукою шарить, а они мнѣ за шкуру и залили, разрывную. Ужъ безъ меня сожгли то ихъ, обезпамятѣлъ. Жалко до смерти...

— Эхъ, дочего плохо было. Какъ первая повозка дошла, слѣзъ Семенъ Иванычъ, бабѣ говоритъ: „собирайся, дѣтей собирай и вещи что понужнѣе, выселяютъ васъ“.. Баба о земь, голоситъ, сапоги цѣлуетъ. Народъ собрался, услышали, по селу, словно громъ плачъ такой. Сразу всѣ говорятъ и плачутъ всѣ. Кто головой бьется, кто волосы рветъ, а старуха одна телку вывела, за шею обняла, голосомъ воетъ, и собаки съ ей тоже душу рвутъ... Ну, стали потомъ силомъ сажать,—не уговорить. Такъ босые всѣ, а дождь да грязь, и холодно.. До чего плохо было, самое трудное..

— Легли мы, ровно на пружинахъ. Слава Господу лежа то было. А какъ встали, затянуло въ трясину двоихъ. Самъ слышалъ, какъ Иванова кобылка на той трясинѣ губилась. Стонетъ, ровно мычитъ тихонько, и слыхать было, какъ кости съ натуги хрустѣли, не вызволились...

— Обмокъ, стяжелѣлъ, паромъ прошелъ, ровно туча сталъ. А какъ ночь пришла, морозецъ махонькій прихватилъ, ногъ я и лишился. Нѣту подо мною ногъ,

гудутъ, а служить не служатъ. Разулся, глянулъ, а они ровно радуга. Обмерзли, калѣка я теперь...

— Просить? чего ужъ! Толку нѣтъ просить, не пойметъ, знаю... Бить—жалко до смерти, терпѣть—силы не стало. Вотъ и ушелъ на войну. Да кабы сразу, а то, въ городъ вышелъ,—она за мной на другой день. Плачетъ, въ ногахъ лежитъ, клятвенно зарекается.. Ну я вѣры не даю, мучался сколько. Все перетерпѣлъ... Здѣсь легче...

— А слышимъ, стонутъ, просятся чего-то, Грязовецкіе, спрашиваютъ. Мы говорить-то не можемъ, не велено, и ничего понять не можемъ. А лѣсъ кругомъ, не видно.. Тутъ мѣсяцъ повыкатился, анъ это калѣки-раненые, кругомъ ползутъ и пособить просятъ.. На коня не возьмешь...

— Съ носилками, смотрю, нашъ Александръ Иванычъ. Вотъ это такой человѣкъ былъ, что мы на него, какъ на Бога надѣялись. Это онъ, чтобы меня разыскать, пришелъ. Ногу мою какъ подвязывали, онъ ее за пятку держалъ. А потомъ кричитъ: „Мойша, ты здѣсь“?..—„Здѣсь“ отвѣчаетъ..—„Вотъ“ говоритъ, „видишь, за тобой нарочно пришелъ, что-бы ты не подумалъ, что тебя бросили. Ты не горюй очень-то“.. Это ему что русскій, что жидъ, все едино. Жида жалѣть и насъ училъ.. И такого-то офицера просто мы-же и продали.. Не осилили отбить.. А звалъ какъ насъ... Я то ужъ второй разъ раненый, ни одной ноги тогда цѣлой не было, а ползкомъ не поспѣлъ.. Увели ужъ его..

— Что это война, на радость-ли намъ... Вѣрно что одно сказать справедливо, намъ на дому хуже жилось...

Ѣсть нечего, и одна работа тяжелая.. Самое худое, не о себѣ одномъ забота, семейный я...

— Господи, вотъ я теперь до чего чувствую, какъ военное свое дѣло справляю.. Наведешь, дума такая, вотъ-бы побольше надѣлать для русскихъ хорошаго.. Десятки-бы перебилъ..

— А на войну шаферомъ взяли. До машины съизмальства былъ доходчивъ, а въ Бельгіи, до автомобилей, во какъ навострился.. Какъ подвезъ своего до нѣмца, а съ боку кавалеры въ каскахъ, да на нихъ, да рубить.. А Григорій, ей Богу не вру, который раненый, втащилъ рукою за воротъ, да подъ ноги себѣ шваркъ, да топтать, да топтать, пока не подохъ.. А подохъ, ужъ какъ къ себѣ вернулся со своимъ-то.. Я его сустрѣвши, спрашиваю, какъ разсказалъ, „чтожъ ты демократъ, а с... с.. выходишь, а не демократъ.. Развѣ-жъ тебѣ то въ Бельгіи говорили, что нѣмецъ не человѣкъ, что ты его хуже крысы замучилъ?". Такъ драться полѣзъ со стыда...

— А тутъ сразу насъ подъ ихніе пулеметы угораздило. Совсѣмъ не похоже, какъ я-то боялся.. Страху нѣтъ, отчаянности столько, просто до грѣха.. Какъ вышелъ, такъ-бы скрозь землю провалился.. И туды голову и сюды голову, хоть въ ... засунь голову, а не уйти.. Какъ лежишь до атаки-то, такъ все думаешь, какъ-бы убѣгти.. А вышелъ, орать до того нужно, кишки сорвешь... Ну ужъ тутъ пусть нѣмецъ не подвертывается.. Семь смертей ему надѣлаю, а взять не позволю.. Вотъ тебѣ и убѣгъ.. Все другое..

— Прилегъ, припалъ вечеръ темный, на ту пору и дума стала другая, не радостная. Что одинъ на бѣломъ свѣтѣ, и хоть здоровъ-великъ, а безъ заступника, ровно камень придорожный, кто идетъ—ногой толкнетъ.

А заря утреня, солнечный восходъ,—ина дума. Живи только, радуйся человѣче, что души не лишенъ. Самому житью радуйся. Пущай война, аль не война,—за плечьми ангелъ хранитель душу бережетъ. А ты тѣлу радуйся, да жизнь всякую возлюби..

— Я хоть и обязанъ былъ по долгу службы ждать, однако не смогъ я. Свечерѣло, быстро въ тѣхъ мѣстахъ темень проходитъ... Не боялся я до дѣхъ поръ, а тутъ чего это Василій въ голову лѣзетъ. Лицо его все у меня въ глазахъ, особенно какъ зажмурюсь.. Просто силъ моихъ не стало. Ружье-то тяжелое, а знаю, онъ за кустомъ лежитъ. И ужъ не встать-же мертвому, а все я будто его на рукѣ чувствую.. Надумаю такое, что ни вправо, ни влѣво не гляжу, боюсь... Вотъ тебѣ и на посту... Не знаю, долго-ли я такъ протомился, будто жизнь моя прошла.. А тутъ ясно слышу, изъ васильева куста ползетъ.. Господи, я какъ гаркну, „кто такой“?.. А тотъ на меня какъ кинется сзаду—ну нѣту тѣхъ словъ, какого я страху нажилъ.. Мнѣ все равно, подтопталъ меня, мнѣ ужъ больше бояться некуда, не хватитъ.. И голосу не стало.. А тутъ мигомъ наши подошли, и нѣмца съ меня сняли..

— „Стой, говорю, ни ты царю воинъ, ни я не докладчикъ. Не та у меня душа. Только жить тебѣ въ этомъ мѣстѣ не для ча, такого смердящаго, военная пуля святая не возьметъ. А убить—убью. „Плюнулъ на зарядъ, да и убилъ шпіена поганой той пулей.

— Я такъ его жалѣлъ, лежу въ казармѣ, а думка къ нему летитъ. Что съ нимъ, да какъ живетъ-растетъ.., А письма наши, извѣстное дѣло, чего не надобно никому, то и написано... Одно слово, „до земли поклонъ низкій“... Правильно, что до сырой до земли... Читалъ я читалъ, да и дочитался только на третьи сутки, что

Мишутка долго жить приказалъ... Послѣ поклоновъ-то низкихъ, да еще кланялись...

— Отцовская доля не легкая, коли съ понятіемъ рабятъ ждешь. Надо обо всемъ заботу имѣть. Я вотъ думаю все, какъ бы дѣтокъ до ученья приспособить. Грамотѣ обучу, а дальше то я наукъ не знаю. Вѣрить же никому не могу, какъ учить. Батюшкѣ я не вѣрю: живетъ блудомъ, и все стяжаетъ, а другихъ ученыхъ и не знаю...

— Скачетъ козочка, страхъ въ ней играетъ, надъ землей несетъ легче вѣтру. Онъ за ней въ лѣсъ вошелъ, споткнулся объ груду какую-то, упалъ, встать не въ силахъ... Нѣмецъ раненый лежитъ, и его за груди держитъ, не пускаетъ... Сопутъ, борются... Грызть сталъ нѣмцу руки, пустилъ проклятый, только глазами смерти кличетъ... Винтовку приложилъ, пальнулъ, у того глаза на лобъ... А коза ушла, гнатся не сталъ. Объ нѣмца послѣдній зарядъ разрядилъ... Обидно охотнику...

— Хорошая кобыла была, какъ жену любилъ, просто заржетъ, и мнѣ охота... А налеталъ съ утра... Ну тутъ съ мѣсяцъ, какъ свѣтъ, такъ нѣту покоя... Ни работать нельзя, ничего нельзя... и то нельзя... Грязь въ землѣ развели, ровно свиньи... Налетитъ со свѣтомъ кружитъ, и бомбы бросаетъ... И песокъ-то, и грязь, и гулъ, и жарко, чисто пекло... Лошадей позакусты. Артилерія по имъ жаритъ, а стаканы къ намъ въ обозъ. Собирали начальникамъ, сестеръ одаривали. Цвѣты держали, и все говорили, красиво что цвѣты, а она смерть причиняла... Вотъ и кобылкѣ смерть причинила... Какъ его угораздило, только слышу, ржетъ кобылка, весело ржетъ... Думаю, что это она радуется? Да къ

ей... А она и глазомъ не ведетъ, мертвая... Это она какъ въ паморокѣ была, что хорошее и представилось...

— Нашептала мнѣ бабка одна таки слова:—вотъ тебѣ парень, крестъ да ладанка, вотъ тебѣ дальня дороженька. Пойдешь той дорожкой—оступы не знайдешь, по чужимъ по путямъ недруга загубишь, добра возьмешь, себя жива найдешь. Крестъ отецъ—на смертный конецъ, ладанка мати—счастья пыймати...

— Я съ Семеномъ вдвоемъ пошли, а барана несемъ по очереди. Не мѣшаетъ, живой, а не противится. Но однако устали, сѣли посидѣть, не замѣтили, какъ уснули. Сплю, слышу Семенъ меня тихонько окликаетъ: нѣмцы коло насъ... Какъ не было сна, сижу, въ ночь темную словно сова смотрю, ничего не видно. И слыхать ничего не слышно, окромя какъ со страху въ уши ухаетъ... Немного продохнулъ, слышу, правда нѣмцы... А я еще какъ изъ дому шелъ, плѣну пуще смерти зарекался... Кто его знаетъ, какъ баранъ нашъ развязался, да черезъ кусты шваркъ, да шуму надѣлалъ. Со страху-то,—словно громъ прошелъ. Ужъ тутъ-ли тебѣ скотину жалѣть, Господи... только какъ вскочитъ мой Семенъ, да за бараномъ, да за кусты, да сгинулъ... А нѣмцы за нимъ, да стрѣлять, да далече слышу гонятъ... А я драла въ другую сторону, бегъ, бегъ, на солдатъ нашихъ къ утру дорвался... А Семена такъ и нѣту... Горя сколько, семейство... Вотъ-те и баранъ!..

— У меня нога вся въ чирьяхъ, горитъ огнемъ, а онъ говоритъ „симулянтъ"... Какой я симулянтъ, смерти прошу... Гдѣ мнѣ окопы копать, портянка чистая,—что гиря пудовая. А песокъ попадетъ, что въ пеклѣ, муки такія...

— Того не скажи, того не сдѣлай, все не такъ, все не по немъ.. Я у него рабъ безъ души... Онъ со мной хуже Господа Бога поступить можетъ...

— Сидимъ надъ водою, покуриваемъ. Вотъ по рѣчкѣ, что-то до насъ прибивается... А темно довольно, разглядѣть никакъ нельзя. Я говорю „Вася, а не врагъ-ли какой?“... Вскочили, однако тихо, а груда черная у берега на волнѣ колышется, поплескиваетъ. „Я осмѣлѣлъ легъ, рукою досталъ. Слышу, ровно-бы шерсть какая... Руку отдернулъ, песъ вѣрно, говорю... Спичку зажгли, глядимъ,—Ефграфъ... Господи, голова разбита, весь кровью, да водою прошелъ... Вытащили, закопали тутъ же, помолились малость, и пошли... Вотъ, розыскалъ земляковъ...

— Сказалъ онъ мнѣ: лови, молъ, парень, всякую свою думку, да разбирай, что къ чему. И сталъ я по его дѣлать. Ну и работа, братцы... Думы мои, ровно ужи, склизкія. Только ухватишь, а она ужъ далече. А потомъ пріобыкъ, присмотрѣлся. И до того я, братцы, додумался,—главное, своя рубаха къ шкурѣ поближе. А изъ за такого то клада, стоило ли въ башкѣ то копатся? Эдакую то думку и подъ собой высидишь...

— Это ты вѣрно, что до шкуры, такъ тутъ душа не причемъ. У меня, вонъ, шкура то часами безъ души гуляетъ, какъ въ атаку идти. Оттого я и храбрый такой.

— Онъ ко мнѣ, и замѣсто, что-бы рану искать, давай по карманамъ шарить. Въ паморокахъ былъ, а тутъ что отлили, злоблюсь, кричать наровлю, а онъ за глотку... Какъ шарахну его: сукинъ ты сынъ, кричу, а не санитаръ. Ты мнѣ рану вяжи, а кошель-то я и безъ тебя завязать сумѣю...

— Эхъ вначалѣ, какъ погнали насъ семнадцатеро изъ деревни, ничего не понятно, а больше плохо... Ухъ и заскучали мы... На каждой станціи шумъ дѣлали, матерно барышень ругали, пѣли чточасно, а весело не было... А потомъ здорово учили насъ, ажъ я съ тѣла спалъ... И надругались, какъ надъ дурнями... А мы не очень-то дурни были, работящіе парни, одинъ въ одинъ хозяева... Я при отцѣ работалъ въ строгости, только и баловства моего было, что четыре мѣсяца на фабрикѣ фордыбачилъ... А тутъ кругомъ соблазнъ, и ни тебѣ свободы, ни тебѣ попеченія... За то теперь попалъ я на позицію... Такъ я плакалъ, какъ сюда ѣхалъ, просто съ жизнью прощался... Маменька-то лѣтъ пятнадцать померши, а я все плачу,—мамашенька, мамашенька причитаю...

* * *

— Ей Господи, тоскуетъ душа моя, тоскуетъ, плачетъ
Плачетъ, своимъ горемъ хвалится.
Ангелы съ небеси гласъ спосылаютъ,
Тотъ гласъ въ дущу залетаетъ, душѣ миръ проливаетъ,
Злу-лиху думу душа забываетъ:
— Не плачь, мужикъ, не горюй, не гордись долей горькою.
Не тѣшь слезами душу сиротскую.
На войнѣ живу душу сберечь-собрать,
На миру за весь за свѣтъ муку трудъ принять,—
Чѣмъ та доля не вынослива,
Чѣмъ та судьба не завистливая?
Вспомни Господа Іисуса Христа, и пречистую пре-праведную муку Его Господню...

Дымомъ землю окоптилъ—до темна;
Громомъ землю оглушилъ—до глуха,
Трупомъ землю окормилъ—до полна,
Кровью землю опоилъ—до тошна...

II.

Горе тебѣ Вильгельму, лихо тебѣ злодѣю, и мертвые подъ землею покою не нажили; покою не будетъ—покуда Вильгельмъ живъ будетъ...

— Солнышко глянуло—затмилось, звѣздочки глянули—закатились, мѣсяцъ посмотрѣлъ—на одинъ глазъ окривѣлъ; у Вильгельма, и у того одна рука отсохла... А русскому солдату—все ни почемъ: не больно его дома балуютъ. Въ голоду да холоду, ровно въ Божьемъ во саду... Ему еще съ полчаса терпѣнья хватитъ...

— Война, война! Пришла ты для кого и по чаяньи, а для кого и нечаянно. Неготовыми застала. Ни души, ни тѣла не пристроили, а просто на посмѣхъ всѣмъ странамъ, погнали силу стремяжную, а разъяснить—не разъяснили. Жили, молъ, плохо, не баловались, такъ и помереть могутъ не задля ча. На нѣмца то, да съ соломинкой!..

— Насъ учить нужно всему. Какъ я понялъ, чего я супротивъ супротивника не знаю,—душа въ пятки ушла. Жизни моей не хватитъ обучиться. Да и умъ-то

во мнѣ отъ возраста заматерѣлъ. Не согнешь, развѣ что скорежишь. Пусть ужъ дѣтки наши обучаются. Только для того и домой-то хочу вернуться. А то такъ темноты своей страшусь, помереть впору...

— Я не знаю, что я послѣ войны дѣлать буду. Такъ я отъ всего отпалъ, сказать не могу. Здѣсь ты ровно ребенокъ малый, что велятъ, то и дѣлай. И думать ничего не приказано, думкой здѣсь ничего не сдѣлаешь... Одна машина, что я—то Илья, что Евсей—то и всѣ...

— Ни за что ты не въ отвѣтѣ. Бьетъ-ли нѣмецъ, али мы бьемъ,—никто не въ отвѣтѣ... А у нѣмцевъ, говорятъ, всякій отвѣчаетъ, долженъ знать, что дѣлаетъ. Ихъ развѣ такъ учатъ, какъ насъ, ра та-та, да та-та-ра... Нѣтъ, имъ доказываютъ, какъ враги живутъ, и какія привычки имѣютъ. А съ боя вернулся, допросъ, ты что сдѣлалъ?.. По приказу каждый выполняетъ... Многому насъ нѣмцы научатъ, да пока научатъ—умучатъ...

— „Хотъ“ по ихнему Господъ Богъ. Что это за слово за такое, почему? У насъ вонъ долго—Господь Богъ,—а у нихъ „Хотъ“ да и все... Силу свою чуютъ...

— Вотъ тебѣ картинка: старикъ сѣдой Богъ—Саваофъ держитъ землю въ рукѣ, ровно яблочко золотое. А самъ поверхъ всего засмотрѣлся-заглядѣлся, да и проглядѣлъ, что война тому яблочку, ровно червь, всю самое середку повыѣла...

— На его глазахъ братишку австрійцы убили. Серце въ немъ кровью засохло... Какъ звѣрь сталъ...

Цѣлый день сидитъ, выжидаетъ, чтобы австріецъ носъ показалъ—сейчасъ стрѣлять, и безъ промаху. Обѣдъ ему принесутъ, такъ деньщика съ ружьемъ ставитъ, что-бы и минутки врагу милости не было... И до солдатъ облютѣлъ...

— Я въ его цѣлюсь, не знаю кто, а сильно желаю, что-бы нѣмецъ былъ. Цѣлюсь съ сучка, долго примѣрялся, и выстрѣлилъ очень успѣшно... Повалился—не пикнулъ, и нѣмецъ оказался... Здоровый, какъ быкъ...

— Я ненавижу врага до того, что по ночамъ снится. Снится мнѣ, лежу будто, я на нѣмцѣ, здоровый чертъ, и убить не дается. Я до штыка, онъ за руку. Я до глотки,—онъ за другую. Не одужить, да и только! Я ему въ глаза пальцами лѣзу, глазъ продавилъ, да дырку къ мозгамъ ищу... Нашелъ, да давить... А самъ всей кровью радъ, ажъ зубы стучатъ...

— Чего ржете жеребцами? Сами надъ собой ржете. Кажному, вонъ, своя рожа, ровно капусты качанъ. Бей да руби, только скуснѣе, сокъ молъ пуститъ. А то забыли, что по Божьему подобію сотворены?.. Песъ, и тотъ каку гордость, а имѣетъ. Тоже люди, каждаго допускаютъ, эхъ вы...

— Диванъ голубой, и по немъ цвѣты розовые. Десятку на толчкѣ далъ. Такъ обрадовалъ, цѣловала горячо, продажная душа. А безъ подарку и не суйся... Не такая душа бабья... Она того жалѣетъ, кто кошель имѣетъ... А коль безъ гроша, такъ и соколъ—вша...

— Получилъ онъ письмо, заперся часа на три. А потомъ меня зоветъ: „Иванъ, говоритъ, прибери ха-

лупу“... А прибрана съ утра. „Слушаю“, молъ... Кручусь, съ мѣста на мѣсто переставляю. Покрутился, ушелъ... Опять, погодя, кличетъ. Сидитъ съ письмомъ въ рукѣ, чудной какой-то... „Иванъ, прибери халупу“, говоритъ.., Я опять покрутился, вышелъ... Погодя, опять зоветъ. за тѣмъ-же. Что это,—думаю,—его разобрало? А какъ вышелъ я изъ халупы, онъ и застрѣлись...

Дома Марью я оставилъ,
Здѣсь другую Марью справилъ.
Эхъ, Арина хороша,
Любитъ ночку безъ гроша.
Ужъ я ситцу, я батисту,
Любитъ дѣвку здѣшній приставъ.
Я баранокъ, я платковъ,
За мной двадцать дураковъ.
Ужъ ты дѣвушка красотка,
По всѣму брюху чесотка.
А я парень—молодецъ,
Погубитель я сердецъ.

— Сидитъ и не смотритъ, волкъ волкомъ. Я ему миску подставляю, „ѣшь“, говорю. Не глядитъ, и головою закрутилъ. А знаю, что какъ песъ голодный... Къ вечеру голову свѣсилъ, а отъ пищи носомъ крутитъ... Насильно потомъ кормить стали, зажмемъ, да и зальемъ чего нито. Сперва ревѣть пошелъ, реветъ и реветъ. А къ утру самъ запросилъ, и здорово жрать началъ. Какъ пріобыкъ, сказывалъ, что смерти отъ русскихъ ждалъ, а добра никакого...

— Будь баба добра да почетлива, на чужого мужика не завистлива, дѣтямъ матка заботливая, хозяюшка порядливая, до Господа Бога усердна, до мужа жена вѣрная...

— На картинахъ много красоты понаписано было. И женскій полъ, и цвѣты всякіе. Однако мнѣ изъ простой жизни больше всего нравилось. На одной написаны бурлаки. Разные у нихъ лица, а все наши дядья-сватья. Еще ребятки бочку везутъ... Жалко своихъ стало...

— Я не долго къ женѣ честно былъ. Сперва разговоры земляки такіе вели, что и смѣхъ, и грѣхъ. Соблазнъ большой, а бабы нѣту. Зашли разъ съ холоду въ халупу, натоплено, хлѣбомъ тянетъ... Бабы двѣ старыя... Во чужемъ во краю, и съ рябой что въ раю.. Одну и eговорили... Такая старуха крѣпкая...

— Связалъ я ему руки, а когда до лѣску дошли, я его поясомъ за ноги спуталъ, что коня. Говорю, садись, отдыхать станемъ. Онъ сѣлъ, я ему сейчасъ папироску въ зубы. Усмѣхнулся, а самъ ажъ синій... Спрошу—офицеръ? головою кивъ, спрошу солдатъ? головою кивъ... Не пойму, курю, и въ думкѣ прикидываю, какъ-бы познатнѣе представить, чтобы наградили.. Выкурилъ,—вставай, говорю, пойдемъ. Молчитъ... Я опять сурово, онъ молчитъ... Смотрю, усмѣхается, и папироска въ зубахъ потухла. Тронулъ,—а онъ мертвый..

— Я къ оконцу, стукъ-стукъ... Баба отперла, робкая бабенка, дрожитъ, молчитъ. Я хлѣба прошу. На стѣнкѣ шкапъ, оттуда хлѣба да сыру достала, и вино стала на машинкѣ грѣть. Ѣмъ, ажъ за ушми трещитъ. Думаю, нѣтъ такой силы, что-бы меня съ того мѣста, выманить... Опять въ концѣ стукъ-стукъ. Баба, ровно и мнѣ, отперла. Гляжу, австріецъ въ избу ввалился... Смотримъ другъ на дружку, кусокъ у меня поперекъ хоть рвать въ пору... Что дѣлать, не знаемъ... Сѣлъ, хлѣбъ взялъ, и сыру. Жретъ, такъ убираетъ, не хуже, меня. Вино бабенка подала горячее, да двѣ чашки. И стали мы пить, ровно шабры какіе. Попили, поѣли,

легли на лавкѣ, голова къ головѣ... Утромъ разошлись... Некому приказывать было...

— По совѣсти сказать, не вижу я врага ни въ какомъ человѣкѣ. Ну что мнѣ нѣмецъ, коли онъ меня ничѣмъ не обидѣлъ. А знаю я, что не солдатское это дѣло, такъ разсуждать. Войну воюемъ, такъ ужъ тутъ нечего сыропиться, только съ чего эта война, не пойму...

— Какъ стемнѣло, мы и пошли. Они насъ подъ руки къ себѣ... Ну и живутъ, сукины дѣти... Чисто дворецъ царскій, а не окопы... Сейчасъ это намъ кофію, да рому. Калякаютъ кто какъ умѣетъ, камрадъ да камрадъ... Офицеръ ихній бумажки раздавалъ, такъ вѣжливенько. Взяли, не грѣхъ, все больше не грамотные, такъ чего обижать? Попили, поѣли, про все погуторили, пора и честь знать, домой. Только засѣли, бѣжитъ отъ нихъ солдатикъ, благимъ матомъ вопитъ: „рятуйте, рятуйте, смерть мени будэ"... А это, одинъ землячекъ, какъ въ гостяхъ то былъ, до его винтовки больно привыкъ... Такъ заскучалъ, что съ собой ее взялъ... Ну, дали назадъ. Плакалъ, какъ спасибовалъ, а то разстрѣлъ... Черезъ полъ часа, и мы по знакомцамъ-то огонь открыли... Дружба дружбой, а и служба службой...

— Чѣмъ я его перевяжу, нѣтъ ничего... Я съ себя сорочку срывать сталъ. Только спину заголилъ, да черезъ голову тащу, какъ хватитъ меня по голому то заду... Чисто пороть задумали. Ну, ужъ тутъ я скоренько его завязалъ, да съ имъ въ околодокъ и пошелъ... Вотъ жгло задъ то, не заголяйся на людяхъ...

— Онъ дѣтей не жалѣлъ, не болѣлъ за нихъ. А она всю тяготу несла. Оно завсегда жизнь бабья такая,

да только, на грѣхъ, умнѣе она прочихъ была. Недовольная жила, сердце свое калила. Вернулся онъ къ вечеру, да деньги доставать на карты сталъ. А середняя дочка, на тѣ на деньги, учителя ждала. Она ругаться, она плакать, а потомъ руки на себя и наложи, къ утру. Со зла больше...

— У насъ четверо разсудку лишились на войнѣ. Думаю, со страху больше. Одинъ на себя видѣнье все ждетъ. Видитъ видѣнье, бабъ какихъ-то. Много плачутъ, и все его ищутъ... Мертвый онъ, будто. Онъ кричитъ, что здѣсь молъ я, а онѣ не признаютъ, и съ молитвой по полю бродятъ. И плачутъ, а онъ тоскою сохнетъ...

— Не терялъ я время, все для миру старался, работалъ, собиралъ, копилъ, Бога молилъ... Думалъ я, не навѣки та война. А вотъ, какъ перевидалъ мертвяковъ тысячи, и потерялъ я надежду... Не вернуть намъ прежняго, и не для ча стараться и собирать... хоть скрозь землю все провались... Опомнятся человѣки, да поздно будетъ, ни пня не останется...

— Все наново переучиваю. Сказалъ Господь Сынъ Божій: не убій, значитъ—бей, не жалѣй... Люби молъ ближняго, какъ самого себя, значитъ—тяни у него корку послѣднюю... А не дастъ добромъ—руби топоромъ... Сказано: словомъ нечистымъ не погань рта, а тутъ пой про матушку родную пѣсни похабныя, на душѣ отъ того веселѣе молъ... Одно слово, рости себѣ зубы волчьи, а коли поздно, не вырастутъ,—такъ на вотъ тебѣ штыкъ, да пушку, вгрызайся ближнему подъ ребры... А что-бы сталъ я воинъ, какъ картина,—такъ еще и плетями вспрыснутъ спину...

— Голодъ выучитъ... Я вотъ дитё при дорогѣ, спящее ограбилъ... Спитъ дитё, чье не знаю. Никово по близости. Ихнее потерялось. Замученое, спитъ при дорогѣ, и хлѣбъ подъ головами... А я хлѣбъ взялъ, сперва разломилъ... А потомъ подумалъ, не помирать-же бородатому... А въ дитѣ жизнь легкая... Да весь хлѣбъ и унесъ...

— Нѣтъ мнѣ лучше, какъ дитею былъ, по грибы ходить бывало. Соберемся ребятки, всѣ съ позаранку, съ туманомъ въ лѣсъ-то вкатимся, а къ солнышку лукошко полно. Хлѣба пожуешь, всѣ лѣса пробредешь, на душѣ, ровно птицы поютъ. Мѣста у насъ,—грибово царство, гдѣ-гдѣ только грибъ не лѣзетъ. Мокрый, и по шляпкѣ травинка, а то красный, что кровь. Духъ отъ него, словно нутромъ земнымъ тянетъ... Ночью-то на палати влѣзъ, глазъ завелъ, анъ грибъ въ глазу... Всю ночь ищешь...

— Сѣли въ фильки, онъ сталъ тридцать по носу давать. Ась, два, три, досчиталъ до тридцати, да, разокъ и перемахни... Я его и хвать по виску, да до смерти...

— Пшеница, что ни колосъ, то Богу слава. Словно трубы архангельскія. А по пшеницѣ солдатики убитые лежатъ, и наши, и ихніе. Свѣжіе, еще духу нѣту, больше полемъ на тебя тянетъ. А промежъ убитыхъ, дѣти бродятъ, потеряные. Баба какъ бѣжать надумала, сейчасъ она грудного на руку, а малого за руку. Малый отобьется, и по хлѣбамъ потеряется. Все двухлѣтки, да трехлѣтки. Красивые ребятки у нихъ... А ужъ до того напугавшись, что и плакать давно забыли, голосъ пропалъ... Словно столбнякъ у нихъ. Рожа-то въ грязи да слезахъ присохла. А у кого и кровь, побились что-ли... Мыть ихъ да кормить сестры стали. Молчатъ, ровно куклы какія... Только ужъ верстъ черезъ десять отошли, опомнились что-ли, ревѣть начали... Дѣтямъ плохо...

— Дуракъ, по моему, изъ матери-то, не тѣмъ концомъ на свѣтъ лѣзетъ.

— Сидѣли, ѣсть хотца. Выбрался безъ спросу. Округа пустая, жителей повыселили, однѣ собаки воютъ. Ни крохи. Вошелъ я въ халупу, на печи стонетъ. Я поглядѣлъ, баба лежитъ, вся въ крови, чуть жива, и младеньчикъ съ ей. Только что родила, какъ мы-то вошли, и четвертыя сутки безъ хлѣбу, съ водою гнилою. Померла, а младеньчика жидовка взяла...

— Я на зарѣ вышелъ, чтобы не жарко было. Простится къ своей любашѣ зашелъ, я себѣ любашку тамъ завелъ... Захожу, а съ ей высокая, превысокая баба сидитъ, и ротъ завязанъ. Сидитъ, молчитъ, а глаза строгіе. Я любашу въ сторонку, да ну мять. А баба какъ вскочитъ, да дверью какъ хлопнетъ,—вотъ мнѣ какъ это не понравилось. Я за ней, а на ней брезентовые сапоги... Я ее за платокъ, да о земь, а на ней усы... Здоровый австріякъ оказался. Къ женѣ на побывку пришелъ, да не вовремя завидывать вздумалъ... И меня тоже набилъ сильно...

— Какъ блеснетъ ей въ глаза крестъ, на все, говоритъ, согласна. Получилъ я удовольствіе, назадъ иду, а взводный меня въ зубы... „Откуда крестъ"?.. Господи, что мнѣ было... Сколько за бабу нашъ братъ муки принимаетъ...

— Я думаю, успѣю сбѣгать. Такъ мнѣ рубаха эта нужна, такъ мила... Да и бабу повидать хочу. стирку. Хорошая баба, ничѣмъ не обидѣла. Да навстрѣчу австрійцу и пошелъ, я съ одного конца въ деревню, а онъ съ другаго. А изба то бабина на австрійскомъ концѣ... Я вскочилъ въ избу, да хвать бѣлье съ полки, какое нинаесть, бабу за груди, да въ дверь, да драла...

А они орутъ, да стрѣляютъ... Ни одна не попала... А портокъ четыре пары, и рубаху теплую, взялъ... Приданое имѣю, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ...

— Онъ намъ строго приказывалъ, какъ увидимъ бутылку съ чѣмъ нинаесть, не брать... А ужъ пить, ни Боже сохрани... Смотрю, на ходу Осташковъ зеленую бутылку съ земли, оглянулся, да въ глотку. Голову запрокинулъ, и бутылку Мишкѣ тянетъ... Мишка взялъ, да ко рту... А Осташковъ, какъ голову запрокинулъ, такъ и свалился на затылокъ. А Мишка на него, брюхомъ впередъ... Я къ имъ, кричу, чего черти балуете, нашли время... Подошелъ, а они ажъ синіе, мертвые...

— Пить пей, а дѣло разумѣй... Я у Барановичей насмотрѣлся, какъ нѣмцы пьяны. Взялъ его ужъ такъ черезъ силу, коло него не продохнешь, а молчитъ. Скорѣе помретъ, а своихъ не выдастъ... Крѣпкій народъ..

— Я ее долго улещивалъ, не далась баба. Сталъ я ее очень уважать, себя такъ соблюдала. И теперь рѣшилъ я такъ, вернусь, на ней женюсь, съ дѣтьми возьму за уваженье... Мужа ейнаго на прошлой недѣлѣ подъ Ракитномъ убили... Женюсь, вѣрная баба...

— Со своимъ братомъ я словъ сколько надобно имѣю. А тутъ нѣмой... И не стыжусь я, а все боюсь, что не такъ услышатъ. Не понимаютъ они простаго человѣка...

— Сѣлъ подъ деревомъ, ждетъ. Идетъ дѣвка бѣлая, волосья долгіе, да зеленые, ровно трава луговая тянетъ. Она идетъ, а за ней лугъ туманомъ плыветъ. Глаза у нея, ровно звѣзды сквозь туманъ свѣтятся.

— Онъ такія занятныя исторіи разказывалъ, рота до того смѣялась, горе съ имъ забывали... Да такъ его любили, всѣ жалѣли, ровно ребенка своего... А умиралъ, такъ Иванъ сказывалъ, передать велѣлъ землякамъ, намъ значитъ:—пусть, говоритъ, помнятъ,—что смѣшно, то не грѣшно. Пускай земляки меня за смѣхомъ поминаютъ... Смерть мнѣ, словно жена, только ея мнѣ и не хватало...

— Глотнулъ, больно, жжетъ, и свѣту въ глазахъ не стало, а послѣ, прошелъ огонь по всей по крови, претъ смѣхъ изъ меня, ровно у дитяти малаго, и все худое забылъ... Такъ я пить то и началъ...

— Сидѣли тихонько, притаились, и тамъ тихо. А потомъ крикъ, да стрѣляютъ. Кто началъ, и не знаю. Вотъ и ранили. Ползъ долго, крови много ушло. И больше то, ни на что не рѣшусь, ни въ жизнь. Скушно какъ то стало, а не то что страхъ...

— Эхъ, ранятъ, ну больно, ну перенесъ, и живъ.. Ѣшь, пьешь въ свою мѣру, съ людьми говоришъ, самъ человѣкъ... А вотъ за газы, нѣмца много надо перебить., Нѣтъ хуже газовъ, корчитъ тебя, боленъ такъ, что и души ужъ нѣтъ... Радости никакой, ни на часочекъ. Чего хуже...

— Чего это смѣхъ беретъ, какъ съ ногъ свалился упалъ ненарокомъ. Это ужъ больше всего отъ діавола. нѣту бѣсу пустяковъ, на всемъ души ловитъ. Сперва тѣшится, какъ сусѣдъ лобъ расквасилъ, а опосля и самъ тому дѣлу потатчикъ. Нѣту пустяковъ на свѣтѣ. ото всего беречься надо...

— Смерть не увидишь, а то не признать. Теперь думаю, она все поблизу ходитъ, гдѣ жъ ей и быть то... А слышна бываетъ. Разъ заснулъ я, а на меня кто то холодомъ дышетъ. Прокинулся, никого не видать, а слышно удаляется, и при кажномъ шагѣ охи слышны...

— А я смерть видѣлъ. Стоитъ середь поля очень высокая да сухая женка. Лицо платкомъ чернымъ прикрыла. А голову подымать стала, сама не шелохнется. Взгляду ейнаго не дождался я, ужаснулся...

— Обычай есть, въ прощенъ день, по грѣхамъ у людей прощенья просить. А не видывалъ я, что бы кто за грѣхъ за настоящій, при чужихъ просто спокаялся. Развѣ что батюшкѣ, потиху. Въ насъ грѣхъ бережется, помни, молъ, сдѣлалъ зло для души, не забудь стыда, да больше не грѣши. А какъ на люди грѣхъ то вынести, и стыдъ потерять можно...

— Ждать-ли мнѣ теперь счастья какого, али радости, — нельзя... И долженъ я вѣрить, что не для радости одной человѣкъ на свѣтъ рожденъ. А если я такъ вѣрить не буду, одна мнѣ дорога, безъ покаянія, —на тотъ свѣтъ.

* * *

Послалъ на насъ Господь грозу великую,
Ангелы Архангелы не вымолили,
Матушка Царица небесная не выплакала.
За грѣхи за смертные и смерть пришла,
Да не по одну по душеньку, по тысячи,
Да не по одну судьбинушку, по весь свѣтъ,
Да не по нашей по волюшкѣ, по Божеской...

Про тотъ снарядъ слова нужны по порядку
Тиха гремитъ, стрѣлой катитъ.
А подкатится, громомъ граняется,
Душа съ тѣломъ и растанется...

III.

Милая ты моя, вотъ, будешь-ли разсказывать, напишешь-ли что, не будутъ вѣрить люди... Живутъ въ далекѣ. и только у нихъ и война, что плачутъ... А тутъ война другая... Тутъ знаешь, что умирать то не на печкѣ придется, а на людяхъ... Много кругомъ глядитъ, какъ доживаешь... А не то, что батюшка одинъ тайну вѣдаетъ... Нѣтъ, тебѣ здѣсь тысяча народу свидѣтели и жизни, и смерти...

— Нѣтъ хуже для войны интеллигентнаго солдата Душу вымотаешь глядя, жалѣя... А потомъ такъ злобишся, что хуже нѣмца зла ему хочешь... Мнѣ тяжко а знаешь что чего-то ему тяжче... А чего?.. Значитъ жизнь жилъ другую, лучше понималъ... А тутъ лбомъ въ стѣну... и такъ жаль, а потомъ какъ надъ собакой ругаешься... Не барствуй...

— Ночи тяжелы. Духъ у насъ густой, спать—моритъ—хочешь, а нельзя. Разгонишься храпѣть, анъ бомбу проглядѣлъ. Ну, чисто какъ хрю разнесетъ.. Что человѣкъ, что сопля... Бережешся, до того не спишь. что все въ тебѣ ровно притянуто, дрожатъ всѣ жилы. Такъ и сдается, что кровь брызнетъ...

— Я повылѣзъ, слышу дышетъ, какъ на бабѣ... Я повылѣзъ подальше, та кажу тихонько:—что ты тутъ с. с., а онъ—хр... хрипитъ... Я боюсь—кричу, а онъ боится хрипитъ. Я къ нему лѣзу, а онъ ко мнѣ... Доползли, а кровь изъ ноги горячая, самъ я холодный... Рукою его за шею, щуплый... Ищу, можетъ гдѣ близко раненъ... Вѣрно, пальцами въ грудь залѣзъ... Онъ чисто какъ свинья зарѣзанная оретъ... Я его за горло давлю, тоже мокро, а все, что-бы горше, по груди рву... Замеръ какъ заснулъ, а я на немъ... До утра. Утромъ рано, саднитъ нога—чисто смерть, а голова—чисто водою налита, гудитъ... Не вижу, не слышу, какъ подобрали—не помню... И что это, братцы, чи я того проклятаго удушилъ, чи онъ самъ по себѣ померъ?.. Разсуждаю, что не грѣхъ, а больше по болѣзни—слабости снится...

— Что я тебѣ скажу, ужъ и радъ я, что меня изранили... Вотъ полежу, въ Россію сестра обѣщала хлопотать, къ женѣ, ребятамъ... Твое... Работничать не буду, а около хозяйства и на одной доскачусь, все лучше бабы...

— Разъ, зажарилъ, рразъ еще,—я маленько испугался, а не вѣрю, что въ меня. Копаю, рою, команды не слышу. Потомъ рразъ, шарахнуло рядышкомъ. Меня какъ кто за шиворотъ взялъ, надъ землею поднялъ, да оземь шваркъ... Подняли, синій, какъ удавленникъ. Контузія. Ни рукъ, ни ногъ не соберу, весь дрожу дрожмя, а въ ушахъ—что подъ водой.

— Спросился я, разрѣшилъ. Снаряжаюсь, главное стараюсь, какъ бы ноги потеплѣе упрятать. Пошелъ я къ вечеру, сперва и шелъ за горкой, потомъ темени досидѣлъ, и ползти началъ. Очень я хорошо знаю, гдѣ онъ лежать долженъ. Вотъ какъ бы то мѣсто пошло, а

нѣту никого, снѣгъ кругомъ. Занапрасно, думаю, трудъ принялъ, не знайти товарища. Сталъ было поворачивать, а и задѣлъ ногой, человѣкъ. Снѣгъ сбилъ, анъ это онъ самый. Ровно вдвое стяжелѣлъ, не снесть. Веревку поддѣлъ, и поползли назадъ двое. Безо всякаго почтенія поволокъ,—пришлося...

— Разбило все лицо, глазъ вытекъ, память пропала. Перевязали ужъ, тогда въ себя пришелъ. Да сразу за повязку хвать, какъ закричу: „гдѣ глаза мои, гдѣ глаза мои“... Не пойму, кто виненъ, а до того ненавижу и до того темно да больно, смерти прошу...

— Я смотрю, мышь изъ угла вылѣзла. У меня голова котломъ, съ болѣзнью то. Подошла мышь, сѣла, и смотритъ хитро. Я сестрицу кличу а мышь сидитъ. Сестрица подходитъ, а мышь тихо къ углу пошла. Да не по своему, о нога за ногу ставитъ, ровно лошадь. И ростетъ, и ростетъ, а въ дыру лѣзетъ маленькую. Словно тѣсто проталкивается. Задъ толстый, а потомъ въ кишку вытянулась, и влѣзла. И смѣхъ и грѣхъ бывало, пока тифъ не прошелъ...

— Послѣ того, какъ будто лучше стало, добрѣть началъ, и больше то не билъ. Да только толку съ того мало, трехъ зубовъ нѣту, барабанъ въ ухѣ пробился, не слышно, почитай, ничего. Въ головѣ гудитъ, да болитъ круглыя сутки...

— Здѣсь опять эти зауряды самые... Обида и мнѣ и всѣму воинству. Свинаря замѣстъ царя.

— Сколько это миліенъ, не могу умомъ понять. А коли за рупь, у взводнаго совѣсть купить можно, такъ ужъ за миліенъ-то, много чай душъ, соблазнить легко... Силища.

— —

— Нѣтъ мнѣ злѣе, какъ безъ хлѣба. Брюхо наше съ измальства къ хлѣбушку пріучено. Мужиченку и въ колыскѣ одно—дѣло, что мамка, что хлѣба жамка. А здѣсь, какъ насъ на мамалыгу эту перевели, такъ больше всего понялъ, что война нутро повыѣла. Только какъ паекъ дополнили, осмѣлѣлъ я нѣмца думкой осиливать...

———

— Что мнѣ дѣлать съ собой, не знаю... Сперва я спокойно воевалъ. Плохо жилось, я не сѣтовалъ, все за жизнь считалъ... А жизнь, горемъ—что полемъ... А теперь понятіе утерялъ, не вѣрю, что на свѣтѣ живу... Словно сонъ по блинамъ, словно порча напущена... И найти себя не могу... Думаю къ батюшкѣ за совѣтомъ сходить, авось отмолюсь...

———

— Изстрадался я очень. Какъ принесли меня, раздѣли до чиста, на столъ положили, и стали вѣжливенько коло раны мыть, свѣту не взвидѣлъ, лучше-бы на полѣ сдохъ... А кричать совѣщусь до того, скорѣе память потеряю, а не крикну, такъ чего-то совѣстно... Тутъ надѣли мнѣ намордникъ, и считать приказали. До десяти насчиталъ, а въ ушахъ, словно фортапьяны играютъ. На одиннадцатомъ, какъ въ воду ухнулъ, на тотъ свѣтъ... Прокинулся, кромѣ что боли страшусь, ничего въ умѣ не имѣю... А какъ опомнился, анъ они меня на цѣлый на аршинъ окарнали... Изукрасили...

———

— Брали мы, въ тѣ поры, съ большого бою, и очень распалили себя. Удержу нѣтъ, рука раззузди-

лась. Я вонъ, какой мирной, а тутъ, какъ пришелъ, кошку брюхатую штыкомъ пырнулъ. Только и подглядываю, какъ-бы додраться... Потомъ-то ужъ сномъ злоба разошлась. А какъ такъ то, изо дня въ день, —во пса лютаго оборотиться недолго...

— Прогремѣлся Илья, не перескочить. Какъ почнутъ нѣмцы небо колоть, ровно сухи дрова,—гдѣ старому перегремѣть...

— Я какъ въ К-ѣ въ лазаретѣ лежалъ, сидѣлочку себѣ приспособилъ. Какъ куда идти, ей моргну, подъ лѣсницей и сойдемся. Только поворачивайся! Вотъ разъ я только съ ей пристроился, а врачъ сзаду зашелъ, да за ухо... И отправили меня за эти нѣжности въ военный госпиталь... Чтó на каторгу сослали: перевязка разъ въ три дни, обращенье матерное, пища собачья...

— Посмотрѣлъ я, какъ господа чудесно живутъ. На чугункѣ имъ, что въ раю. Диванъ мягкій, и постелю даютъ. Ноги вытянулъ—каждый генералъ. Чистота, свѣтло завсегда, и никто псомъ лютымъ на человѣка не брешетъ...

— А я бы не смогъ такъ жить. Дѣть мнѣ себя некуда. У нихъ жизнь тѣсная. Вонъ у меня, все за душею остается, а наружу, только что плюнуть... да слово крѣпкое пустить охота. А у нихъ все наружу, а душа гнилая. Не по плечу они мнѣ...

— Снится мнѣ, женатъ будто я на барышнѣ-бѣлоручкѣ. И любить, будто, ее не люблю, не за что мужику барышней любоваться. А ужъ занятно, страсть.

Такъ занятно, что и бить то ее неколи. А есть за что бить то: боится, и ни до чего руки не лежатъ. За то нѣжна, ровно цвѣтикъ...

— —

— Дѣвка къ себѣ меня очень манитъ. Тѣмъ хороша, что я у ней первый, и всѣ ея тайны окромя меня, знать никто не можетъ. И еще, что она нашего брата не знаетъ, и потому объ насъ хорошо думаетъ. А что слаще она бабы,—такъ это еще я и не согласенъ...

— —

— Одно на свѣтѣ вѣрное, баба. Ничего ты отъ ней ждать не пріученъ, окромя сладкаго. А сладкое то отъ тебя отъ самого. А другого не ждешь, и обману нѣту...

— —

— Мнѣ ничего теперь не нужно, лежалъ бы и ни о чемъ не думалъ... Каждому на этомъ свѣтѣ своя мѣрка горя отпущена... А я, видно, чужую починать сталъ, вотъ и усталъ...

— —

— Сила, это отъ Бога, до времени. Цвѣтетъ дитя въ колыскѣ, съ материной груди силой полнится. Подрастетъ—землею кормится, все силы добираетъ. Работа доспѣла, силой взрослаго дополнила. Тутъ время назадъ клонится, убываетъ сила человѣчья, вся въ разумъ уходитъ изъ косточекъ. А изъ разума—старости, опять та сила смертью землѣ ворочается...

— —

— Эхъ, любилъ я бабъ до войны! Одно слово, сахаръ... Такъ-бы какъ пѣтухъ, каждую-бы бабу подтопталъ... А вотъ, какъ ногу отняли, нечего усъ крутить... Глазами мнешь бабу-то, а ужъ пока приспособишься! Порченый...

— —

— И разгнѣвался Господь на того смѣлаго, и съ неба его свергъ громомъ и молоньей, проклятіемъ вѣчнымъ. Разсѣкъ громъ тотъ глуби земныя, вырылъ камень, голъ да великъ, молонья цѣпью обернулась, и того смѣлаго къ камню прибила... А проклятіе Господне, птицей черною, очи и сердце смѣлому пьетъ, до споконъ вѣковъ, мира конченіе...

— Спохватился я, анъ поздно, сѣла она мнѣ на голову. Ни къ пріятелю, ни въ кабакъ, а ужъ къ бабѣ какой, ни Боже сохрани. И привыкъ я этакъ до хорошей жизни. А померла, растерялся я. Тутъ вотъ други нашлись, да такъ тѣшить стали, что пьяницей я и задѣлся...

— Мы безъ офицера, что безъ головы... Да бѣда, коль голова худа. Что хуже... У насъ добрый былъ, и не виненъ, а въ морду билъ... Правду сказать, не барствуй. Я и ѣмъ, и сплю по ночамъ, а онъ, болѣзный. въ землѣ одиннадцать сутокъ... сапоги приросли... Какъ пришелъ, я ему сымать сталъ, чуть не съ кожей... Ну не безъ того, что-бы сапогомъ въ зубы не въѣхалъ... Да и то сказать, хучь-бы мнѣ довелось, избилъ-бы стервеца...

— Нигдѣ я такого жасмину не видалъ,—не кустъ,— дерево... Духъ, сердце держитъ... Въ такую рощу жасминную насъ и поставили. Легли, дохнуть тяжко отъ жасмину...

Въ головѣ, ровно старая бабка сказку сказываетъ. Вѣрныхъ мыслей нѣтъ, ни скуки, ни страху; сказка, да и только...

Однако скоро сказка та покончилась... Ударило по самому жасмину, перестало чудиться, какъ Степняковъ благимъ матомъ ноги жалѣть сталъ: обѣихъ ли-

шился... Я вонъ въ той-же сказкѣ, глазъ проглядѣлъ... Лиха бабка пусть ему сказку сказываетъ...

—

— Я не могу сказать, что это страшно... Когда ранили, весь свѣтъ позабылъ, лежу, кричу, стыда нѣтъ... И не то что очень больно, а мысли такія, что ты на всемъ свѣтѣ одинъ теперь, и все значитъ можно... Лежу, кричу, а потомъ „мама" зову... Вотъ и все... Тутъ подобрали, рана легкая оказалась...

———

— Ну и храмъ, ровно курятникъ старый. Ей Богу, смѣхъ беретъ, а я съ измальства церкви прилеженъ. Изба у нихъ—хоромы. И кровати чистыя, и шкапы, и диваны, и посуда, и по садку розы,—ровно въ цирюльнѣ, слажены да стрижены. А храмъ ровно хлѣвокъ. У насъ не то. И тараканъ, и грязища, и духъ густой, ажъ въ носу липнетъ. Наша то избица—спи до птицы, поѣлъ хлѣбца въ волю—да и въ поле. За то—Богу радѣтели и Ему домокъ на славу строимъ...

———

— Подобралъ я его на сашѣ, черезъ ругань какую я его подобралъ, сказать трудно! А везъ я его въ сѣдлѣ 18 верстъ до дивизіи. Такъ, такъ я съ имъ подружился, отдавать дитяти не схотѣлъ. И товарищи согласны были; псовъ такъ и то водимъ, а тутъ душа безъ призору брошена. Ну, начальство досмотрѣло; оно чувствамъ нашимъ не потатчикъ...

———

— Разскажи ты мнѣ толкомъ, что такое это, про все знать, гдѣ какія земли лежатъ, и что каждая вещь значитъ. Не могу я этого умомъ пронять никакъ. Мы отъ дѣдовъ чего повыучены, то и знаемъ. Вотъ я очень даже ясно знаю, чего такое на томъ свѣтѣ есть; это

выучены твердо. А какъ вещь какую объяснить, не придумаю.

— Нѣтъ мнѣ горше разговора чужаго. Такъ сержусь, просто сказать не могу, до чего сердце имѣю. До грѣха... Такъ-бы и убилъ, какъ по чужему говорятъ... А многіе понимаютъ, учились... Словно чудо...

— Люблю и травку, и дерево, и насѣкомое, и звѣря, и человѣка... Люблю по заповѣди Христовой, а воюю съ удовольствіемъ... И въ Библіи война была, Христосъ съ воинами бесѣдовалъ, не брезговалъ... Много людей на землю напущено, не всѣ нужны землѣ. Вотъ война и пришла... А ты живи хорошо все время. Тогда и убить не страшно, грѣха нѣтъ... А и есть, такъ прежде правдиво жилъ...

— Когда иду въ атаку, такъ у меня на душѣ, словно во Святомъ Писаніи... Все свѣтло, а ничего на землѣ не видно... Вѣдь лихое дѣло велятъ, а ты словно на небо летишь... Ни жизни не жалко, и никого не помнишь... Почитай, что самое у меня хорошее отъ рожденія. Лучше, почитай, и не было...

— Полно, ты, врать, ни слову я насчетъ такой храбрости не вѣрю. Оно, правда, кричать не стану, не къ чему, не поможетъ вѣдь. А что бы сердце играло, того нѣтъ. И не вѣрю. А коль и бываетъ, такъ у озорниковъ у однихъ...

— Лежишь, и не шевельнешься. А жукъ на тебя идетъ, до того занятный. Идетъ, съ пути своей все сметаетъ, и еще на малую на букашку страху нагоняетъ. Малое то, отъ того отъ богатыря, по травинкѣ утекаетъ, да въ ямкахъ хоронится... А тотъ идетъ, силой

хвалится, да спиной зеленой солнце переблескиваетъ. Люблю я въ травѣ лежать...

— Чего ты, озвѣрѣлъ что ли, во пса оборотился! Чего ты это раненыхъ на дождь хочешь? Такъ вѣдь крикомъ кричитъ, „либо я здѣсь, либо они“. Смерть ему рядомъ съ нѣмцемъ, такъ ему ноги жаль...

— Хорошо жилъ я недолго, больше плохо... А теперь въ люди попалъ, и нуженъ сталъ... Смѣюсь я надо всѣмъ, и въ Бога вѣрить еще съ пастуховъ пересталъ... Сказалъ:—„не вѣрю, разрази“!.. Гроза была большая, не разразилъ... А жизнь я не очень что-бы любилъ, и папашеньку съ мамашенькой за нее на спасибовалъ... Какъ кобель съ сучкой, а ты что въ аду гори... А на войнѣ нужны стали: то „братцы“, то „ребятушки“... Чую, выпуститъ мнѣ Вильгельмъ кишки...

— Письма получать съ подарками люблю... Все думаешь, есть еще гдѣ-то люди мирные, жизнь свѣтлая...

— Представлялъ онъ очень хорошо, и казался умнѣй протчихъ простыхъ людей. А когда до дѣла дойдетъ, ни съ мѣста. Все разскажетъ, все придумаетъ, и пѣсню, и сказку хорошо складывать могъ. А жилъ только чужимъ горбомъ. Такой, можетъ, гдѣ въ городу и приспособился бы. Тамъ и лѣнь, что рабочій день. А деревня, она тебя за руки держитъ. Коли рукъ то нѣтъ, не прокормишься...

* * *

По подлѣсочку по малому у-жи-жи, у-жи-жи,
По надъ рѣчушкой, по надъ быстрою, у-жи-жи,
у-жи-жи,
По надъ моей молодой судьбинушкой, у-жи-жи,
у-жи-жи...
Ужъ ты пуля рѣзвая нѣмецкая,
Словно ласточка легка, да проходлива,
Словно ласточка та пуля поворотлива,
Что куда повернусь, на нее наторкнусь.
Я за кустъ лягу, за деревцо,
Какъ за деревцо подъ крутой бережокъ.
Ужъ ты деревцо мое зеленое,
И зеленое и веселое,
Припокровь деревце долю солдатскую,
Припокровь головушку побѣдную,
Припокровь руки-ноги рабочія,
Припокровь имячко нарѣченое,
Припокровь душеньку крещеную...

— Связалъ онъ меня, привелъ въ сарай, черезъ балку веревку перекинулъ, за руки, за ноги той веревкой зацѣпилъ,—да брюхомъ вверхъ и подвѣсилъ. И сталъ возжею по брюху бить. Долго хворалъ я потомъ, да и до сей поры я хилый. Отчимъ то не отецъ, у него побои съ вывертомъ...

— Косой, онъ еще не самый худой человѣкъ. Ему, передъ насвѣторожденіемъ и бѣсъ и ангелъ, дары кажутъ. Онъ и на добро, и на худо заглядится, глаза то и раскоситъ. А самаго худаго не отличишь. Развѣ, по взгляду черному такому. А глазъ прямой.

— Я не только человѣка, курицу не могъ зарѣзать. А теперь насмотрѣлся. По ночамъ спать нельзя, бомбы.

Думаешь до того, голова гудитъ. Грѣхъ аль нѣтъ?... Почемъ я знаю, можетъ сотню, али больше душъ загубилъ... А какъ грѣхъ?... На томъ свѣтѣ начальство впередъ не пустишь...

— Лучше всего пѣсни наши. Поешь чѣмъ громче, на душѣ легкимъ крикомъ радостно, хорошо... Кто пѣсни солдатамъ придумалъ, самый умный человѣкъ былъ...

— Почему это я, какъ музыку слышу, плакать горяздъ?.. Плачу, словно ребенокъ... Чего-то тусменно, жить хочешь, и птицей леталъ-бы... Словно Пасха.

— Что казаки бабъ портятъ, то правда. Видѣлъ какъ дѣвченку лѣтъ семи чисто какъ стерву разодрали. Одинъ..., а трое ногами топочутъ, ржутъ. Думаю, ужъ подъ вторымъ она мертвенька была, а свое всѣ четверо доказали. Я ажъ стыдобушкой кричалъ,—не слышатъ. А стащить не дались, набили...

— Кто Бобкой звалъ, кто..., а не обижали. И ходила, ажъ отступала вмѣстѣ. И ничего не боялась. Животное у насъ теперь первое дѣло. Душу мягчитъ, зато и спасибо. Я пса мучить, страсть какъ любилъ на селѣ. Въ дегтѣ валять—первое удовольствіе. А тутъ отдашь свой харчъ псу поганому, и ровно опять человѣкъ...

— Уйти мнѣ не пришлось. Дошелъ 90 верстъ до Орла, и въ дворники за хорошія деньги подрядился. Живу честно, работы много, да легкая работа. И пища вѣрная, сытъ всегда. Хорошо... Присылаетъ письмо; дифтеритомъ всѣ трое заболѣли, и въ больницу забраны... Бросилъ хозяина, назадъ 90 верстъ отмахалъ,—къ выносу поспѣлъ... Отстрадались на утрѣ рано... Въ ту же

ночь съ Марьей спалъ, и опять съ дитей ходила, какъ на войну я шелъ... Горе горемъ, а на бабу охота отъ слезъ-то пуще...

— Я такой глупый былъ, что спать ложился, а руки на груди крестомъ складывалъ... На случай, что во снѣ преставлюсь... А теперь, ни Бога, ни черта не боюсь... Какъ всадилъ съ рукою штыкъ въ брюхо, словно сняло съ меня что-то...

— Мать я и теперь жалѣю, а что жены, такъ хоть бы и не было... Какъ я самъ здѣсь, что ночь, то новая, такъ и она тамъ путаться можетъ. И тамъ нашъ братъ безъ ногъ, безъ рукъ, а все... другъ.

— Какъ вошли мы въ городъ, все ничего. Жидва попряталась, и бабъ не видно. Заришься, все отперто, все твое. Патрулей не дѣлали.. Зовутъ, сказываютъ, въ патруль наряжаться. Пошли. Три окна изба, деревянная... Крикомъ старуха кричитъ, насъ къ ей подошло трое. Что такое, спрашиваемъ. Грабятъ, говоритъ, да такъ чудно говоритъ, только что понять можно. Кто, говоримъ, грабитъ? Врешь. старая, всюду и всюду патрули ходятъ... Идемъ, а тамъ двое ихнихъ мирныхъ, изъ скрыни одежу дергаютъ... Я одного за загривокъ, да въ сундукъ, да запирать... Такъ ему смерти хочу, ровно мою старуху обидѣлъ. И не ее жаль, а обидно, что с... с... на своихъ пошелъ... А старуха кричитъ;„ то мой сынъ, то мой сынъ“... А то на ея дочкѣ женатый, да со своимъ братаномъ тещу грабятъ. Ну и натѣшились тутъ... Ужъ били мы, били, кости цѣлой не оставили. Аха, стерва! А добро изъ сундука попортили... И не думали того, а попортили... У меня дакъ до этой поры вотъ портабакъ-то оттуда...

— Имѣнья у меня съ войны немного. Грабить не грабилъ, а что деньги чужія есть, такъ то дадены жидовкой: заступился. Я приглядываюсь, а они стараго жида въ пейсахъ,—столѣтній жидъ, сухой, пейсатый, на ногахъ чулки бѣлые, а волосъ, ажъ дожелта сѣдой, —такъ земляки его нагайками черезъ изгородь скакать заставляютъ. Я до нихъ: Бога не боитесь, старый жидъ-то, грѣхъ какой... Они пустили, а жидовка мнѣ лопочетъ, да деньги суетъ. Я взялъ. Десять коронъ...

— Сны я вижу разные. Снится мнѣ синій лѣсъ. Все синее, и листы, и земля, и все синее... А небо красное, какъ на пожарѣ... И по нему искры, какъ на пожарѣ... И такъ мнѣ смутно... Закрою очи, и птицы синія изъ глазъ моихъ летятъ... Такъ, одна за другой отрываются, какъ пузырь мыльный, летитъ, и нѣту...

— Обнялъ я его сердечнаго, а онъ стонетъ. Чтобы не вопить, губы себѣ прикусилъ, сквозь носъ гудитъ-стонетъ... А я самъ обезкровѣлъ, слабъ. Тащу все его, потише стараюсь, кто его знаетъ, что кругомъ, не помнится ничего. Такъ мы съ имъ до свѣту ползли, ухъ усталъ какъ! Кровь сперва сильно шла, потомъ перестала... Дышать больно... Какъ воду какую найду, пью-лакаю... И онъ обезчувствѣлъ. Легли, ужъ солнце высоко стояло. Лежимъ, четыре куста, рѣка видна какая-то, поляна кругомъ, а за рѣчкой лѣсъ молоденькій, мирно... Та-та-та, слышимъ кони идутъ, останавливаются, да по насъ какъ пальнутъ... Ту-же ногу второй разъ попортили, а его благородіе убили, да и сгинули...

— Далъ мнѣ приказъ, ковры ему купить, и сто рублей денегъ. Я въ село, ковры есть, а отдавать не

хотятъ. Я и деньги давалъ, не хотятъ да и только. Я и скажи, не дадите, сейчасъ дѣтей стрѣлять буду, за ослушаніе начальству... Да мальченку за воротъ... Отдали даромъ...

— Идешь въ избу, баба сидитъ, волкомъ смотритъ съ голоду... Отдашь ей хлѣбъ, и глаза у ней свѣтлые станутъ, и ребятишки откуда-то вырастутъ, и песъ подъ ногами хвостомъ крутитъ... Хлѣбъ—великое дѣло.

— Сейчасъ полотно рвать. Вотъ, понадѣлали портянокъ, я себѣ все съ буквами углы рвалъ. Гербъ ихній, корона, и двѣ буквы. Вѣрно, что война хоть зла, да тѣмъ мила: что со стола—то подъ себя...

— Спуску только не давать. Какъ этому выучишься, хорошаго много проживешь. Я теперь какъ куда попаду, ничего просить не согласенъ. Все приказываю, или самъ беру... Вотъ я въ Опришены попалъ, все забрано, дома загажены. Послѣ нашего брата грязно бываетъ. Взять нечего, кровати и тѣ порублены, земляки кашу варили. Такъ я себѣ бабу взялъ, толстую... Три дня за собой водилъ, тѣшился... И съ взводнымъ дѣлился, что табакъ, что баба... А потомъ побоялся, отпустилъ въ поле...

— На войнѣ что хорошо?.. Что больно свободно, и что, душа думала,—исполнить можно... Дисциплина? одно слово, на глазахъ у начальства. Вѣдь только во снѣ видишь, что бабу каку хошь мни, и за груди хватай. А тутъ—только не зѣвай... Одинъ грѣхъ, зѣвать...

— Взялъ я штыкъ, осмотрѣлся, вырылъ ямку я штыкомъ, и запряталъ. На другой день доставать сталъ—нѣту. Фу ты, чего такое: у вора воръ—дубинку уперъ. Вынулъ кто-то... Слава тебѣ Господи, грѣха за мной нѣту, ни грошика не прожилъ...

— А потомъ начальство жидовъ къ намъ предоставило. Ну и смѣху было... Который реветъ бѣлугой, который, какъ пришелъ, такъ легъ, словно мертвый, самъ бѣлый, только уши торчатъ... А который подошлѣе такъ все до господъ офицеровъ лѣзетъ, все шепчется... Да ужъ тутъ, шепчи не шепчи, а со всѣми дѣйствуй... Въ землѣ сидѣли, ничего... А какъ вошли мы въ *** зашли въ домъ со Степой Ковалевымъ, и всякаго добра много увидали... Не знаемъ, что до чего... И такіе, и эдакіе предметы, хорошо живутъ враги... Разстелили мы одѣяло, и класть стали, что кому, потомъ разберемъ ..

... И по совѣсти скажу, не грѣхъ... Все равно, не мы, такъ другіе, хозяевъ нѣту. Нѣтъ хуже, какъ домъ бросать, а и остаться не сладко... Особливо бабѣ... Господи, какъ увидишь бабу, чисто жеребцомъ ржешь... Тутъ плачь не плачь, а только поворачивайся... Какъ укладали мы въ одѣяло, жидокъ нашъ пришелъ. „Ребята, говоритъ, нельзя такъ“. А мы молчимъ... Онъ еще лопотать, а мы молчки свое... Онъ осерчалъ, въ крикъ, ротный зашелъ. Ему смѣшно, а нельзя, обязанъ запретить. Самъ хохочетъ, а вещи бросить велитъ... Ну, и было жиду, и отъ насъ, и отъ ротнаго... Въ лазаретъ ушелъ...

— Что-же, разскажу сказку... Ночью шли лѣсомъ, только какъ у мерина селезенка играетъ, ухъ да тупъ, ухъ да тупъ. Ни зги не видать, и тихо... Что дальше, встали... Говорятъ, хорошо-бы чайку... Нельзя, увидитъ.

Терплю. Вдругъ это меня кто-то за рукавъ, и къ сторонкѣ... Я упираюсь. а онъ тащитъ, потомъ къ землѣ пригнулъ. Я присѣлъ, сыро, пень что-ли, али кочка. А онъ мнѣ, молчитъ, и въ ротъ бутылку суетъ. Я пить смѣло, а тамъ ромъ... А выпилъ, сгинулъ тотъ, какъ не было... Подошелъ я до земляковъ, а они мнѣ: что это отъ тебя духъ больно хорошій?..

— Выпилъ-бы ведро водки... Вотъ какъ скучаю, всегда занимался... А теперь жизнь звѣрская, такъ въ звѣриномъ-то образѣ, легче-бы было...

— Я думаю, что и страхъ на свѣтѣ душу держитъ... Давно-бы сдохъ, кабы не страхъ... Развѣ-жъ я о чемъ жалѣю, когда боюсь? Ни о чемъ не помню, и и не знаю для чего жизнь берегу... Только ради страха и берегу...

— Я не все помню хорошо. Кровь шла, болѣло здорово, да сладко таково тянетъ. И все, какъ за туманомъ видѣлось. А проснулся ужъ ночью, больно не очень, только чую—смерть моя близка. Такъ вѣдь что жалѣть сталъ! Сундучишко все свой солдатскій вспоминаю, и болѣе всего за него безпокоюсь. А дома да семейства, какъ не было...

— Вчера я въ чемъ мать родила, выскочилъ изъ палатки. Звѣзды сіяютъ, тихо, повѣрить нельзя, что война на свѣтѣ. Чисто тебѣ ночь подъ праздникъ... Что это, думаю, не похоже что мирно все?.. Не то, что птицы никакой не шелохнетъ нигдѣ, не то на душѣ не по мирному... Жду несчастья... Тутъ и застукали пулеметы, и ружья затрещали, и пошла ночь въ котлѣ кипѣть... Вотъ и меня ранили, я еще тепленькій, свѣжій...

— Очень я люблю, когда у меня жаръ, и думаю, что болѣть человѣку нужно. Вотъ я прежде никогда не болѣлъ, и боли никакой не вѣрилъ. Теперь-же все понимать сталъ, и даже грамотѣ охотно выучился...

— Дорогое это было удовольствіе. Взялъ я денегъ и лошадь,—Европа кобыла,—и вышелъ я на разсвѣтѣ. Съѣздилъ по сусѣдямъ, нѣтъ жены! На примѣтѣ же я никого не имѣлъ, никто до нее особенно не добивался. Круглыя сутки я ѣздилъ, и сколько я плакалъ, тосковалъ. А черезъ три дни всплыла она на прудѣ. Такъ вотъ, вѣрить трудно, легче мнѣ стало, хоть и любилъ я ее безъ памяти. Ужъ очень я отъ незнанія своего утомился, и ревность грызла. Какъ всплыла, въ ту ночь впервые заснулъ я...

— Кто говоритъ, что дѣвкѣ потому невольно, что больно, а мужику все въ прохладку, потому что сладко.. Я какъ первый разъ съ бабой спалъ, чуть рукъ на себя отъ стыда не наложилъ... Все мнѣ до того тошно, и баба сама, и духъ ейный, и самъ себѣ. Срамъ до грѣха... Вотъ-те и сладко.

— Устроить я жизнь свою по хорошему не могъ. И не зналъ, правду говорить, какъ лучше, чтобы пріятности больше сдѣлать. Ѣсть да пить вдосталь,—тоже докука отъ сытости не малая. А какъ и душу, и брюхо сразу напитать, не зналъ я. Не выученъ...

— Все мы съ нимъ ругались, сердце до него лежитъ, а что скажетъ, все не по мнѣ. Ночью вдвоемъ рѣшились, четверыхъ сзади оставили. Больше всего боязно, что-бы онъ, сохрани Богъ, Георгія первый не получилъ... И чего это они отъ насъ бѣжали, вѣрно цѣлую роту разглядѣли, а насъ двое... Въ потьмахъ, и

блоха страхъ... Я двоихъ взялъ. А онъ офицера ихняво привелъ, и крестъ получилъ... Теперь я его за счастье очень уважаю...

— Девять денъ у меня послѣ пути оставалось... И съ первой минутки тоска брала, что скоро назадъ надо... Ни часочку радости не имѣлъ... Сердце отогрѣть боялся, горя ждалъ впереди большаго... Больше въ отпускъ не согласенъ. Богъ съ нимъ!..

— Середъ лѣсу крестъ, могила чья-то. Присѣлъ я, жути не чую... Полночью, заклубился туманъ подъ елями, поползъ туманъ по мнѣ холодомъ, взяла тоска сердце... Все горе свое вспомянулъ... Видно, тяжко померъ что въ могилѣ середь лѣсу схороненъ... Много скорби принялъ, знать, коль и мертвый тоску вокругъ сѣетъ...

— Эхъ, ночи тяжкія, вотъ—спать тебѣ не приказано, а думы уйдутъ отъ устали, стоишь столбомъ, ждешь свѣту. Да не самаго солнышка, а только чтобы видать было. Тутъ двинемся, ноги, ровно не свои, во рту ржавчина. И сердце нѣмое, нѣту тебѣ ничего впереди.

— Не тоскуй парень, нечего томиться, сколько твоей судьбы уйдетъ—самые пустяки... Молодъ больно. Весь миръ война рушитъ, такъ одна то душенька, ровно горошинка въ мѣшкѣ, не ворохнувшись до мѣста доѣдетъ. Только жизнь сбереги...

* * *

— Расчеши, мамаша, голову кудрявую,
Разведи, родная, грусть-бѣду лукавую:
Притаилася, прихилилася,
Подъ сердечушко подкатилася.
— Ты спокайся, молодой дѣтинушка,
Служба царская не по сердцу,
Служба Божія опостылѣла,

Не твоя вина, не родителевъ,
Не людская вина душу выѣла,
Какъ пришла война по времени,
И по времени, и по всѣмъ грѣхамъ.
Больно много брали радостей,
По богатству, да по барству старинному,
Да не мало грѣха и по работничкамъ,
По работничкамъ и по плотничкамъ.
За хмѣльной за хлѣбъ душу—тѣло продали,
Какъ душу крещену на помыканіе,
А тѣло злой войнѣ на истерзаніе.

Скажи грому небесному—встань громъ столбомъ,
Скажи смерти неумольной—не коси, смерть, стой,
Скажи красной дѣвкѣ—не люби, млада, до сѣда,
Скажи войнѣ всесвѣтной—пойди, война, со двора.

IV.

Книги намъ только божественнныя разрѣшаютъ, напрасно ты сестрицу безпокоишь, не имѣетъ она права. А ты самъ себѣ разсказывай, оно и ладно. Я какъ лежу, смежу очи, и что хочу, то и вижу... Навострился. До одного дойти не въ силахъ: дверей въ умѣ отворять не могу. До дверей дошелъ, а дальше наново надумывать надо...

— Чтобы понялъ я, какъ жить, не меня одного учить надобно. Не прощу я, выучившись, что дѣды-отцы, въ бѣдѣ темной сидѣли... Коль я своихъ русскихъ жалѣю, и кровью къ имъ теку, такъ на свѣтъ одинъ идти не согласенъ, не совращай.

— Николи я такъ не потѣлъ, не трудился, какъ за букваремъ. Кабы не вѣрилъ, что безъ того нельзя, тятька заколотитъ,—ни въ жизнь муки такой не несъбы. Выучилъ букварь, склады складывалъ, а запрегся въ тягло,—все забылъ... Рабочему мужику, грамота—тягота...

— Мы ужли не научены, а вотъ тѣ, что изъ плѣна вернутся, тѣ и насъ многому учить будутъ... Изъ каждой овцы, вышли мудрецы.... На каждой на дубинѣ, ягода-малина...

— Сдается мнѣ, потому простой народъ глупъ, что думать ему некогда. Кабы былъ часъ подумать хорошенько, все-бы онъ понялъ, не хуже господъ. А душа въ простомъ свѣтлая, и кровь въ емъ свѣжая. Пожалуй, что и лучше господъ все-бы разъяснилъ, кабы часочекъ нашелся...

— Одинъ другому говоритъ: тотъ, говоритъ, не человѣкъ, который Пушкина, да еще тамъ какихъ-то, не читывалъ... Ты подумай, чего такое загнулъ, а?.. Да никто ихъ, почитай, не читывалъ, а неужли мы не люди?.. Вотъ онъ и читалъ, а ничего въ емъ путнаго нѣту... Хилый тѣломъ, и душа хилая. Боится, на себя и на людей злобится... Не человѣкъ, а сопля, вотъ те и Пушкинъ... А промежъ насъ, чистые богатыри есть... Забыть ему не могу, изобидѣлъ такъ...

— Развѣ-жъ я знаю, чего въ полякѣ плохаго есть?.. Я того не знаю, а больно вѣжливъ... Мужикъ сѣрый, а ужъ такъ вѣжливъ, просто душа въ кулачекъ сжимается... Хоть-бы дурнемъ когда приголубилъ, и того нѣтъ. За....., заспанъ, а все—панъ, да панъ...

— Татаринъ, онъ хоть и не крещенный, а за нимъ грѣха нѣту. Язычникъ, у него что ни рожа—угодникъ Божій, ему и козлины рога—бога. Дурень. А вотъ, жидъ—

тотъ въ отвѣтѣ... Хитеръ какъ бѣсъ, до науки доходчивъ... Ему крещена душа—что пшенична лапша. Заглонулъ, пососалъ, и дерьмомъ на землю...

— Ну и несешь ты, ровно съ капусты кислой... И чего тебѣ жидъ надѣлалъ?.. Что тебя сосать-то было, Всего то и колосьевъ, что волосьевъ. Очень ты кому нуженъ, изъ тебя и дерьма не надѣлаешь... А вотъ тотъ, кто тебя этому учитъ, у того, вѣрно, въ мѣшкѣ густо, да въ башкѣ пусто. Посмотрѣлъ-бы чай, какъ жидъ съ голоду пухнетъ... А тебя и съ голоду не тронетъ, не бойся... Ему и законъ запрещаетъ всякую дрянь въ ротъ брать...

— Я объ этомъ развѣ разговоръ велъ... Я и самъ знаю, чего меня учить. Видно, что не какъ всѣ человѣкъ, какой то другой... Какъ съ нимъ хлѣба пожуешь, на лавкѣ переспишь рядкомъ,—видно все. Только что скажешь, умомъ сразу приметъ; рожа ажъ кривится, такъ его слово наскрозь проберетъ... А черезъ русскаго—слово нейдетъ. Въ немъ путей нѣту. Пока прочувствуетъ... А тотъ пустой, въ немъ естество жидкое, вотъ и зовется жидъ...

— У насъ евреевъ мало. Я только и зналъ двоихъ, часы одинъ дѣлалъ. И отца его зналъ, старика. Люди были, хоть бы и намъ христіянамъ въ пору. Молодой то добрый и ласковый, говорилъ онъ мало, больше кашлялъ да сохъ. А старый, тотъ все за книгами, за своими. Кругомъ хоть пожаръ гори, пить-ѣсть за книгою забывалъ. Уважали мы этихъ евреевъ, а больше то я дома и не видалъ.

— Хоть ты меня убей, а зачѣмъ лягушки на свѣтѣ живутъ,—не знаю,... Будто французы лягушекъ ѣли, а какъ въ двѣнадцатомъ году у насъ пожили, выучились, что грѣхъ... Можетъ и есть еще гдѣ дикіе люди, что лягушекъ жрутъ, только я не вѣрю...

— У насъ вотъ: англичанинъ, французъ, итальянецъ,—самые хорошіе все народы... А у нихъ кто? Австріецъ,—тотъ-же нѣмецъ, только дерьмовый. Турокъ,—драться здоровъ, словъ нѣтъ, только за человѣка его и считать то грѣхъ. А теперь вотъ Болгаръ съ имъ въ союзъ вступилъ,—этотъ совсѣмъ сволочь...

— Я бы не военнымъ хотѣлъ страны чужія посѣтить. До смерти надоѣло страхъ вокругъ себя, ровно жито, сѣять. Мирно-бы все, по-людски... А то войдешь, чего-то стыдно, ажъ до жалости. Въ глаза смотрѣть боязно... Вотъ говорятъ,—все пошло, какъ быть должно... А чего это въ глаза людямъ не взглянешь?... Лихо дѣло война...

— Сейчасъ это они побрали самыхъ красивыхъ дѣвокъ, да бабъ молодыхъ,—и ему въ гаремъ предоставили. Турка хлѣбомъ не корми, а только бабу дай, хоть поглядѣть... У нихъ, у кажнаго по десять женъ, а ужъ султанъ то безъ счета путается. Дѣвка на кажну ночь, только-бы въ мочь. Вотъ купили султана, а итальянцы, какъ у нихъ бабъ то позабирали, обидѣлись. А австрійцу гдѣ красоты то набрать, ихнія да нѣмецкія женки—ровно жабы... А итальянка, одно слово—апельсинъ... Такъ и вышло, турку попустили—итальянца пропустили...

— Спроси ты меня, что я въ союзѣ томъ понимаю— ни клинышка... А сердце радуется, я и самъ-бы такихъ выбралъ... Только лучше-бы намъ самимъ воевать, чести больше. И справились-бы. Говорятъ, хорошіе нѣмцы воины. Не знаю, а австріецъ—дерьмо. Хлипкій, изъ носу сопля,—тоже воинъ!..

— И у нихъ народъ разный есть. Нѣмецъ дѣйствительно народъ рабочій, и до всего отчайные ребята. За то австріецъ ни къ чему рукъ не приложитъ. Еще на себя пристроитъ все хорошо, а ужъ насчетъ войны—не любитъ австріецъ воевать...

— Знаютъ нѣмцы такое свое слово особенное. Ладится у нихъ все не по нашему. Ни въ одежѣ въ ихней, ни въ питьѣ да пищѣ, ни въ оружьи какомъ не видать пороку. И дородные, видно въ свою мѣру жили. И что за слово у нихъ за такое? Можетъ и мы бы то слово нашли, да приказу нѣту...

— Вотъ какъ случилось, ведетъ меня, да все бьетъ. Да больно бьетъ то. Это вѣрно, чтобы я силы не собралъ противу его. Я терплю, а тутъ не по чину пришлось, что ли, въ зубы ударилъ. И запала думка— уйти. А уйти, такъ убить его надо руками голыми. Вотъ до чего Господь попустилъ, вѣкъ не замолю. Ровно на дорогѣ на большой. Повалилъ я его, онъ плачетъ слезами и лопочетъ. Я ротъ зажимать, руку цѣлуетъ. Задушилъ я его. Помню, дня два у меня сердце не живо было, и тошно все, ровно объѣвшись былъ. Не забыть николи...

— Итальянецъ плохой солдатъ. Ты только посуди, чего ему воевать?.. Солнце круглый годъ грѣетъ, плоды всякіе круглый годъ зрѣютъ, руку протянулъ—апельсинъ... Работать не надо, земля сама родитъ, все есть, чего ему воевать?.. А нѣмцы голодомъ живутъ, у нихъ все машина, а машиной сытъ не будешь... Вотъ и рвутъ, что есть силы... А мы народъ мирный, намъ только обиды не дѣлай, мы себя прокормимъ... Чужаго не надо...

— Очень-бы мнѣ хотѣлось, чтобы румыны съ нами противу нѣмца воевали, хорошій больно народъ. Меня всегда изъ Новоселицъ за спиртомъ къ имъ за Прутъ посылали. Ночью подойду, черезъ рѣчку вплавь, а они на середку лодкой выѣдутъ и тебѣ и табаку, и водки, и чего душа хочетъ... А разъ къ себѣ увезли и такую бабу предоставили, что назадъ то еле собрался... Чуть было дезертиромъ не сталъ...

— Рости большой—да не будь лапшой, рости верстой, да не будь простой...

— Велитъ чтонощно ему бабъ водить. Баба плачетъ, не до того ей... Ни избы, ни хлѣба,—земля да небо... А тутъ офицеру пузо грѣй... Да еще напьется, всю срамоту на людяхъ старается производить... Смотрите молъ, какъ я до бабы здоровъ... Вотъ ужъ—здоровъ, какъ боровъ, а и глупъ, что пупъ...

— Ахъ, бабы обманныя. Хуже нѣтъ, какъ еще и болѣзнь отъ ней... Я одну себѣ снялъ, баба что печь, ни червоточинки. А на другую недѣлю, меня въ срамную палату отправили... А какъ ее бить-то пришелъ,

она и говоритъ,—„А ты меня о чемъ спрашивалъ?.. Какъ кобель молчалъ“... Оно и правда...

— Душу я на войнѣ свою понялъ. Я человѣкъ хорошій, и до людей добрый. Здѣсь мнѣ дѣлить нечего. Своего ничего нѣтъ, все казенное... Душа, и та чужая... Такъ всѣмъ одолжить готовъ, и душею...

— Иду лѣсомъ, темно, и холодно чего-то, хоть и лѣто на дворѣ, и звѣзды чистыя. Иду, пожимаюсь. Собаченка по за кустомъ скулитъ. Я цмокать, слышу, къ ногамъ жмется и скулитъ. Я ее поймать наровлю, не дается стерва. Слышу что махонькая. Я ее ловлю, добра ей хочу, скулитъ и не дается. Я такъ, я эдакъ, вертится, стерва... Я притаился, да какъ хвачу ее прикладомъ, да еще, да еще. И пошелъ дальше...

— Какъ я знаю, что въ животномъ души нѣту, такъ, значитъ и смерть ему причинить не грѣхъ, каяться не въ чемъ. Скотинкѣ времени на прожитье не надобно, грѣховъ то отмаливать не приходится. А оттого мы къ животному такую жалость имѣемъ, что душа человѣку большая дадена. Ему все по плечу; на камень бездушный, и то души той хватитъ, вотъ и все жалѣешь...

— И у насъ много звѣрья жило, но такой умной собачки нигдѣ не было. Какъ бывало придемъ, такъ такая собачка тонкая, по лицу узнаетъ, кому обида была. И прямо до того и ластится, и ластится. Здорово животное черезъ это страдало; человѣкъ въ обидѣ, хуже звѣря. .

— Холера, скажу тебѣ, это такъ болѣзнь! Настоящая. Боль въ тебѣ такая, ровно ножемъ рѣжетъ, нутро вывернетъ, соки всѣ изъ тебя повыкачаетъ. И станешь ты сухой, да пустой. Тутъ загнетъ тебя въ корчу, и силы не станетъ. Кровь схолодится. Грѣть тебя станутъ, да воду за шкуру заливать.

— Ничего не видно, а слышу, дышетъ ктой то. Спрашиваю, кто такой, стрѣлять, молъ, буду... Молчитъ. Сталъ было я думать, да некогда. Я и выстрѣлилъ...

— Повели межъ собой, берегъ крутенькій, тропа узкая, да склизкая. А онъ изловчился, Петряю буца въ пузо; тотъ въ ручеекъ и ухнулъ. Меня ногою пнулъ, да бѣжать. Опомнился я, стрѣлять хочу, а тутъ Петряй вопитъ. Вода то холодная, да быстрая. Вѣрно с... с... расчиталъ. Русской скорѣе сто нѣмцевъ спуститъ, а ужъ товарища въ бѣдѣ не кинетъ...

— Что ты со мной торгуешся, коли любишь, такъ и будь моя на вѣкъ. А то,—буду ли пить, да буду ли бить, да буду ли чужихъ дѣвокъ любить? Не вѣришь сама, безъ разуму взякаго, значитъ не жалѣешь, не надобна мнѣ...

— Что ему не скажи, онъ все тебѣ въ морду... За „точно такъ“, и то въ зубы... Ну, силъ моихъ не стало, а пожалиться нельзя, не принимаютъ жалобъ на господъ офицеровъ... А какой онъ господинъ?.. У свиньи подъ хвостомъ, вотъ гдѣ ему господствовать. Былъ на заводѣ, при конторѣ писаремъ, и самъ себѣ все справлялъ. А теперь до человѣка добрался, и нето что полковникъ, а и генералъ, такъ драться не станетъ.

— Ваша работа, говоритъ, не видная, какъ у солдата, не такая наградная, да за то святая. А храбрости сколько угодно показать можно. И Георгія намъ пожелалъ... А этотъ больше, гдѣ графини, да баронессы... Онъ ужъ передъ ними, и такъ, и сякъ, а настоящихъ то людей и не видитъ. Одно слово,—фанфаронъ. .

— Мой подвигъ такой. Лежали подъ самыми ихними загражденіями, и вылѣзти не могли четвертыя сутки. А лежали ровно гады, сухаго мѣста нѣтъ. Къ этому не притерпишься. А * поручикъ на проволокѣ завязъ, какъ въ атаку шелъ. Сперва просилъ словами, по именамъ выкликалъ... Носа не высунуть, стрѣляютъ... А потомъ только стоналъ да вздыхалъ... Это такъ четверо-то сутокъ, и все живъ... Вотъ грѣхъ на Бога роптать, а скажешь тутъ: дляча душу крѣпко держать, коли беречь-то ее не велѣно... Я не вытерпѣлъ, снялъ его. А донести не осилилъ, ранили. Тутъ атака, взяли свои...

— Отличать тебя было не возможно. Кабы каждаго отличать, такъ отличающихъ цѣлую армію держать надо. А оно не по карману...

— Бываютъ чудеса и на войнѣ съ нашимъ братомъ. Что это было, не знаю. Я обезножѣлъ, отсталъ, да въ канавѣ прилегъ. Думаю, пройдутъ недалече, догоню... Лежу и слышу, все идутъ да идутъ... И ночь ужъ къ утру, а я не въ силахъ... Слышу, идутъ и идутъ, все пѣхота. Сапоги такъ гулко отзываются, и очень въ ногу идутъ... Думаю, что это Господи, вѣдь нѣту здѣся столько, ужъ не нѣмцы ли?.. Голову на обочину вытащилъ, смотрю,—все саше сколько видно,

верстъ на пять, полно упокойниками... Всѣ по частямъ раставлены, въ саванахъ бѣлыхъ... Топотъ слышенъ, а идутъ, какъ туманъ плыветъ, не шелохнутся... Замеръ я..

— Есть такіе, что имъ до всего душа лежитъ, и обо всѣхъ они думой раскидываютъ. Этимъ дома-ли, здѣсь-ли—все едино. А нашему брату, какъ душу на волю выпустили. Ты меня бей, и ругай, а только какъ мать родная заботься... Здѣсь мнѣ и пища, и одежа казенныя... Спокоенъ я...

— Коли ты мнѣ хлѣбъ даешь, дай и бабу... Человѣку здоровому, что безъ хлѣба, что безъ бабы,—жить невозможно!..

— Былъ портнымъ въ Могилевѣ. Семеро дѣтей. Какъ попалъ въ казармы, сразу засмѣяли, надъ моей наружностью издѣвались. Кромѣ „пархатый“ я не слышалъ обращенія. Обѣщали мнѣ не посылать на передовыя позиціи, вы сами видите, что я не солдатъ, я очень слабъ. Теперь вѣроятно не выживу, хоть мнѣ и обѣщалъ докторъ. Но вѣдь еврею только и жить приходиться, что обѣщаніями... Однимъ словомъ, я въ окопахъ, больше френчи господамъ офицерамъ шилъ... И въ самомъ дѣлѣ, какъ я могу атаковать со своимъ видомъ?.. Я шилъ господину ротному, приходитъ поручикъ **, и говоритъ: „мнѣ стыдно будетъ умереть въ рваной гимнастеркѣ, почини, Мойша, пожалуйста“.. Это самый вѣжливый офицеръ. Я взялъ, не въ силахъ былъ отказать, такъ меня это „пожалуйста“—разстрогало, до слезъ... Шью, и домъ вспомнилъ... Въ это время, на мое еврейское счастье, подходитъ господинъ ротный... И меня сильно побилъ, и велѣлъ на брустверъ выста-

вить на пять минутъ... Что я буду расказывать, что я пережилъ... За это Георгія таки не даютъ...

— На войнѣ дала мнѣ барышня одна конфетку, развернулъ, свою фамилію читаю,—Абрикосовъ... Словно кто по имени назвалъ, такъ обрадовался...

— Вѣдь я что хотѣлъ? Что-бы по-христіянски, крови не проливать, а на войну помощь нести... Вотъ удача была хорошая, попалъ я въ отрядъ... Вожу, вожу, и коло лошадей хожу... Вся и работа... А во мнѣ сердце не только къ тому рвется, я вѣдь и грамотный, и до людей жалостливый, и все почти понимаю... Надо-бы экзаменъ дѣлать, кто къ чему... Другому, что лошадь, что раненый, что книжка,—все едино... Только-бы жрать было... А меня на большое дѣло надобно. Я голодать согласенъ, только-бы все, что могу, доказать...

— Вотъ о чемъ я больше всего интересуюсь: телеграмму получить. Никогда не получалъ, вѣрно больше бомбы устрашился-бы...

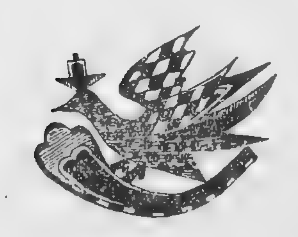
— „Принеси вишивокъ"... Я и пошелъ. А это къ вѣнцу рубахи у нихъ. Баба дѣвкой спину гнула, да золотомъ расшивала, все радость видѣлась... Вотъ те и дождалась радости... Мужа австрійцы угнали, а ее нашъ брать грабитъ...

— Думай про себя, да терпи, одна только и есть наука. А остальныя науки только по пригляднѣе округъ насъ дѣлаютъ, чтобы обо всемъ про себя думать было

занятнѣе. А главное то,—все тоже. Не проживешь безъ того, хоть какой нибудь грамотный...

— Брата убили, а я не зналъ. Дошелъ до части, спрашиваю,—убили... Я пошелъ искать, сказываютъ, въ братской. Я крестъ сдѣлалъ, стихи сочинилъ:

Спи, мой братъ старшой,
Здѣсь я братъ твой меньшой.
Отъ отца и селянъ,
Я съ поклономъ посланъ.
Легъ въ чужемъ ты краю,
А проснешься въ раю...

Чудное чудо на насъ нашло,
Страшное войско до насъ пришло.
Пронеси свѣтлу душу черезъ ту череду,
Проведи добро сердце черезъ ту бѣду.
По чужой по винѣ на тотъ свѣтъ иди,
За чужой за грѣхъ душой плати...

V.

У насъ офицеръ, ни тебѣ ученъ, ни тебѣ уменъ, а словно индюкъ выхаживаетъ. За то до дѣла—ни пальчикомъ. Ждемъ, какъ его бой испытаетъ. А думать надо—не быть клушкѣ соколомъ...

— Раскажи, говоритъ, гдѣ ты ее досталъ. Такъ и такъ, молъ, говорю, шли селомъ, она и пристала. „На вотъ десятку: моя". Гдѣ ужъ перечить... Отдать отдалъ, а тосковалъ по ней, ровно по невѣстѣ...

— Одно слово, австріецъ. Шинель—сини крылья, распрорешка. Чисто тебѣ жукъ, сейчасъ полетитъ. Фуражка ковшомъ, ноги тесмой позамотаны, руки жидкія, глазъ хитрый...

— Весной къ взводному женка пробралась. Гладкая баба и ласку любитъ. А взводный у насъ, ровно ершъ, весь въ перьѣ. Къ ней все офицерики похаживали. Онъ и заскучалъ. Спорится то не съ кѣмъ, начальство. Оно на глазахъ у тебя съ твоей же женой

спать станетъ, а ты ты только молчи да облизывайся... За то нашему брату перепало... За кажнаго за прапора отстрадали. Бога молили, той бабѣ убраться; только тогда онъ и стухъ малость.

———

— Сперва я словъ его понять никакъ не умѣлъ. Что ни скажетъ, хоть воды подать, стою столбомъ пока раздумаю... Онъ и покончилъ, что я дубъ. А я не глупый былъ, только не привыченъ. А какъ выходилъ я его, полюбилъ меня. Я его бояться пересталъ, изъ дураковъ вышелъ. Какой ужъ дурной, коли мнѣ родной...

———

— И по скольку стыда у нихъ нѣту! Ну ты, да чтобъ я, да разуть себя повелѣлъ, али, извините, посуду парашеньку съ чьихъ рукъ получилъ, да лучше мнѣ скрозь землю провалиться. Это все, что на людяхъ постоянно, тары да бары, да и прислуга имъ все невозбранно, вотъ совѣсть то и стаяла...

———

— Вѣдь учить то денегъ стоитъ, а чего выучиваютъ... Не то что работу какую настоящую справить, ноги-руки утрудить, для ради отдыха утомиться,—такъ сапоги сами себѣ одѣть не въ силахъ, и постелю имъ готовятъ.

———

— Спитъ, бывало, однимъ глазомъ, особенно, что до хозяйства, до лошадей. Бывало, кто изъ ребятокъ, съ полатей скрозь сонъ сверзится, отецъ и глазомъ не поведетъ, знай храпитъ. А чуть только при конюшнѣ что брякнетъ, хоть мышь со стрѣхи, сейчасъ руку въ кожухъ, и нѣту его. За то большой дворъ скопилъ, и до сей поры одинъ владѣетъ и работой, и семействомъ всѣмъ. Кряжистый старикъ.

———

— Убогихъ, народъ со старины жалѣть выученъ. Не дальше-отца-матери крѣпостные были. Такъ тогда,

по вотчинамъ то, у звѣрей господъ, убогихъ ровно на фабрикѣ выдѣлывали. Тетка моя купалась, дѣвкой лѣтъ тринадцати, такъ ее баринокъ на прудѣ запопалъ, да и велѣлъ подъ водой подержать до паморока, чтобы воды барской не мутила. Кликушей и стала, какъ откачали.

— Это еще цвѣтики. У насъ, сказывали, господинъ чего придумалъ съ перебытку разнаго. На бабу, только на роженицу былъ готовъ. Какъ гдѣ бабѣ родить, туда идетъ, и послѣ младенчика, сейчасъ съ ей спать, ровно песъ кромѣшный. Почти что всѣ помирали. Бабка моя отца принесла, а сама подъ тѣмъ бѣсомъ скончалась. Убили его. Да я вонъ внукъ, а забыть того не забуду, сколь смогу—вспомню...

— Эхъ, да кому насъ и любить, больно наружу мы неприглядны. Господъ отъ пищи отбиваетъ мужиковская осанка. Кто и не взглянетъ, а кто и глядитъ, такъ не видитъ. Кому охота...

— Что насъ не любить, чѣмъ плохи? Это здѣсь только затуманились, по близу крови напрасной. А тамъ мужикъ хорошій, много чего знаетъ. Ни въ жизнь кому обиды не сдѣлаетъ, окромя строгости въ семействѣ. А безъ того нельзя, по старинѣ...

— И виненъ не былъ. Рѣка у насъ по веснѣ пошла. Громъ идетъ... У насъ рѣка сурьезная, пароходы ходятъ. Вотъ пошла рѣка, тронулась по раннему утру. А я въ баню на слободку ходилъ, иду назадъ, слабъ послѣ полка. Слышу, кричатъ. Смотрю, два мальченка

съ ледка на ледокъ швыряются. А ледки, словно стружка на огнѣ, заворачиваются... Дяденька, пособи, родненькій, пособи... Ну какъ я пособлю, коль свою душу беречь охота... Не пособилъ... Тутъ народъ сбился, галдятъ-кричатъ, потонули мальченки...

— Вонъ и эта и эта дѣвченка, все это такія. И кто это такихъ беретъ, не скажу. Вонъ той годковъ девять, не больше... А ну, подь ка, подь, не бойся... Стыдъ то есть?.. Эхъ ты, тощая... На вотъ тебѣ полтину, теперь деньги дешевы... Эхъ ты, Акулька... Бетя? Имя тоже... Вотъ ты, Бетя, мало ангелу своему молилась, вотъ тебя, Бетя, и обидѣли... Иди себѣ, малая... Война, война...

— Что я дѣтей порченыхъ здѣсь перевидалъ. Жиденка одного такъ забыть не могу. Почитай, въ часъ одинъ, его солдатня кругомъ осиротила. И матку забили, отца повѣсили, сестру замучали, надругались. И остался этотъ, не больше какъ восьми годковъ, и съ имъ братишка грудной. Я его было поласковѣе, хлѣба даю, и по головенкѣ норовлю погладить. А онъ взвизгнулъ, ровно упырь какой, и съ тѣмъ голосомъ драла, бѣжать черезъ что попало. Ужъ и съ глазъ сгинулъ, а долго еще слыхать было, какъ верезжалъ по звѣрьи, съ горя, да сиротства...

— Вотъ что я удивляюсь, всѣ каки ни есть солдатики знакомые, фортапянъ стыдобятся. Ужъ таки ерники-озорники есть, онъ тебѣ все середь улицы съ удовольствіемъ произведетъ,—а только положитъ на фортапянъ руку, ажъ краска въ лицѣ. И только что ругается похабно. Господа, тѣ привычкой развязаны...

— Эхъ читать я люблю... До того пріятно, себя забыть можно. Инда ночью мечтается, что я де не я, а Рыцарь Робертъ храбрый. И что это не мнѣ безъ очереди дневалить, а будто это я къ дамѣ своей лѣзти собрался, и мужа ейнаго стерегусь. Только вонъ, какъ въ зубы кто въѣдетъ, тутъ то ужъ я никакаго рыцарскаго примѣра не подберу...

— Бываетъ такъ, только что хорошее съ тобой приключится, письмо получу изъ дому, что все молъ въ порядкѣ, здравствуютъ, да кланяются земно,—душа отпуститъ, и пошелъ думки думать, да грѣховъ набираться. Нѣтъ, человѣку душу имѣть нужно тугую, притянутую, чтобы объ одномъ душа думала, только такъ и грѣху не быть...

— Должны по закону запретъ сдѣлать бабѣ сердце военное рвать... Я дрожу, боюсь за нее, попрекаетъ стерва, и хахалемъ грозитъ... Какой я царю воинъ, коли баба меня за сердце письмомъ вяжетъ... Что тамъ письма смотрятъ, революцію ищутъ, лучше бы язву бабью искореняли...

Есть и книжка, и бумажка,
Есть чернила и перо,
Да грамотѣ не учили,
Пропадай мое добро...
За плечами сума сѣра,
На башкѣ фуражка,
За лѣсами деревенька,
Тамъ моя милашка...
Горько плачетъ моя мила,
На войну проворитъ,
Доберуся ей до рыла,
Такъ не будетъ спорить...

— Старый дѣдушка, и простой съ виду, ни у него бороды лопатой, ни у него ума палаты... А баба свѣтлая да ровная, словно пашенька родная... Такая баба—ягода объѣденіе. Приманилъ ее старикъ больше побоями да страхами. Вотъ и пошло житье, мужъ подъ праздникъ ее и мнетъ, и бьетъ, свекруха по буднямъ ѣстъ ее съ утра до ноченьки, а свекоръ коло нее пѣтухомъ топчется, да ейный стыдъ платками новыми покрываетъ...

— Я что въ бабѣ люблю?.. Первое: что на бабу лечь, что на жарку печь... Второе: чтобы всегда была до моей ласки готова, и до мужчины охоча... А третье чтобы трезвъ али пьянъ, а надъ бабой панъ.

— Не умѣетъ такъ наша баба. Ее облапилъ, да и оземь, только съ нею и дѣловъ... А здѣшняя, словно птица, на колѣнкахъ сидитъ, и за волосья потреплетъ, и за носъ дернетъ, да все щебечетъ, ровно птаха... Занятныя... И рубля не жаль...

— Мы на бабъ насмотрѣлись здѣсь на разныхъ. Сказать что смѣлы очень, это вѣрно, только смѣлость то ихняя отъ глупости больше. Вотъ въ Каменцѣ шпіонка въ крѣпости въ турецкой посажена была. И женихъ ейный тамъ же смерти ждалъ. Такъ вѣдь что, пустая душа, придумала, передъ смертью то. Щипцы все просила, да краску, чтобъ волосья перекрасить. Это, какъ вѣшать то ихъ станутъ, такъ жениху чтобъ покрасивше быть. А тому, не то что на невѣсту любоваться, разумъ собрать не въ пору было, со страху то.

А баба, та все объ одномъ. Не на дѣло баба смѣлость свою тратитъ, хвалить не за что...

— Что я здѣсь книжку одну прочиталъ, про любовь... Странно мнѣ какъ-то, и не вѣрится. Развѣ что господа... Оно разсудить, вѣрно, что самое главное, для себя что лучше найти. Только въ жизнь не повѣрю, чтобы и хлѣба, и квартиры для любви не пожалѣть... И у насъ любовь трудная, да все больше по душамъ прячется... А живутъ по людски...

— Долго-ли я лежалъ, не знаю. Звѣзды, идти надо, я ползкомъ на горку выбираюсь. За горою, знаю, нѣмцы. Ракеты все слѣва, и то радъ. Ползу, слышу разговоръ ихній. Смотрѣть—ничего не видать. Только совсѣмъ близко огонь всполохнулъ. Здоровый нѣмецъ машинку разжегъ, кофій варитъ... А духъ, Господи... Думаю, коли-бъ этого, вотъ хорошо-бы... Слюны полонъ ротъ... Я ползу, а онъ сидитъ, ждетъ кофію, на огонь засмотрѣлся...—Смотри, смотри... Сзаду навалился, душить скоренько. Молча сдохъ, съ испугу видно... Я за кофій, пью, жгусь-тороплюсь... Выпилъ, машинку да каску съ собой унесъ...

— Не надобно-бы о плохомъ мечтать, грѣхъ и вредно... Я теперь, кромѣ женскаго пола, ничего во снѣ не вижу... И все будто, мнѣ мѣшаютъ, то не хочетъ она, то я не могъ, то стрѣлять стали, а то такой сонъ снится. Ходитъ здоровая баба по хатѣ, все наружу. И я въ чемъ мать родила... И такъ до нее присыпаюсь... Согласна, будто, баба, пристроились на лавкѣ, все какъ слѣдуетъ... Вдругъ лавка къ небу... А я думаю, только-

бы мнѣ свое поспѣть, давно бабы не видалъ... А лавка къ намъ въ деревню, да къ женѣ въ избу насъ и предоставила... Въ ангельскомъ-то видѣ!.. Жена меня съ бабы кочергой сбила...

— И предсталъ онъ на тотъ свѣтъ. Сѣдыя стоятъ передъ нимъ ворота, ржавыми замками замкнуты. Таки ворота да замки велики, думкой онъ не осилитъ, какъ за тѣ ворота попасть. Стучитъ рукою своей смертною, голосъ ворота подаютъ, ровно воробей по крышѣ проходитъ. Такъ и стоитъ тотъ человѣкъ передъ дверьми, черезъ всѣ вѣка, и знать не въ силахъ, что за воротами то, рай аль пекло. Недовѣркамъ Господь такое наказаніе придумалъ...

— Я опять до него приступаю, отдай да отдай. Не даетъ и въ глаза смѣется, я молъ, сильнѣе. Не избить, не отнять... Что день, у насъ драка, начальство наблюдать стало, особенно меня, что я за имъ, какъ тѣнь ходилъ... На что ему кольцо, а мнѣ ровно душу вынули... Цѣлехонькую ночь снится, дни прежніе все время въ головѣ. Жить стало не въ моготу... Говорю, утеку и муку приму... Утекъ, поймали, и наказали примѣрно, ни сѣсть, ни лечь... Тогда отдалъ...

— Сидѣлъ онъ не долго въ приморскомъ городѣ, пока чесотка прошла. Тогда осмотрѣли его и пустили. Пробрался онъ въ большой городъ, такихъ у насъ и нѣтъ. Работалъ, точно, что хуже вола запрягался, обиды же не было. И скоро деньгу нажилъ, женился на ихней, очень красивой, дѣтей двое. Все было. А война пришла—сперва уламывалъ жену, а какъ не уломалъ, бросилъ и семью и дѣла,—да на второй же мѣсяцъ въ

окопахъ, на тотъ свѣтъ и угодилъ... Рядомъ страдали. Никто не тянулъ, самъ виненъ. Вотъ она кровь то родная.. Всего нужнѣе...

— Все едино, по твоему. Скажутъ тоже. Только дубина какая, стоерослая одинака бываетъ всю свою жизнь, да и ту червь наново выточитъ. А ужъ человѣкъ то... Есть на свѣтѣ ночь-день, есть и солнца всходы-заходы, зори разныя. И во всякъ часъ человѣкъ разный. Душа одна, а во всякъ часъ та душа разно отзывъ даетъ. Съ солнцемъ—радость да жизнь, съ ночькой—горе да смерть; сонъ то, ровно материна рука, глаза прикроетъ, ласку-отдыхъ наведетъ. Ты только гляди вокругъ, да все примѣчай, много чего увидишь. А то, „все едино“, скажутъ.

— Черезъ всю землю война пораскинулась... Одна отъ нее дорога—на тотъ свѣтъ... Кабы знатье, какое тамъ житье,—давно-бы ушелъ...

* * *

— Ужъ ты, каменье при дороженькѣ,
Не сбивай, не рви наши ноженьки.
Ты тяжка—высока крученька,
Не пали, не жги наши рученьки.
Ужъ ты, тѣнь густа, да калинушка,
Разомни, схолоди наши спинушки.
Ты студена вода при обочинкѣ,
Ужъ ты смой, сцѣли наши оченьки.
Куды путь ведетъ, сѣрый людъ идетъ,
А и нѣтъ пути, безъ пути идти,
Да́ не по счастье, не по радости,
А по горькое гореваніе,
Тѣла бѣлаго разорваніе.

Ужъ ты, Господи, ты небесный Отецъ,
Сыми съ воина колючъ-золъ вѣнецъ,
Ты стуши-сгони войну-заботушку,
Вороти мужику хлѣбъ-работушку...

Ты тоска, моя тоска,
Гробовая ты доска.
Куды глазомъ ни гляну,
Только видно, что войну!
Оглушилось мое ухо,
Отъ военнаго отъ духа,
Поустала и рука,
Отъ желѣзнаго штыка.
Оттопталисъ мои ноги,
Отъ военной отъ дороги.

VI.

У нѣмца башка, ровно заводъ хорошій, смажь маслицемъ, да и работай на славу, безъ помѣхи. А мы что... Перво на перво, биты много. Вонъ мнѣ и по сей день, окромя побоевъ, ничего не снится. Учить не учатъ, бьютъ да мучатъ...

— Что объ этомъ говорить, развѣ нашего брата спрашиваютъ. Я дома учился, каждый день къ Николаю Ивановичу ходилъ отдѣльно. Очень меня за способности любилъ, ко всему я былъ способный. Починить часы, и то сумѣлъ сразу. Все понималъ, и то понялъ, что на войнѣ не такіе теперь люди нужны... Вотъ и я въ пѣхотѣ, что песъ на охотѣ. На сворѣ сижу, ничего не вижу...

— Нѣту хуже, какъ думать долго. А неученому, только одно и есть, кромѣ работы. Ученый, тотъ все

знаетъ, и читаетъ по книгѣ, что ему чужой толкъ придумалъ. У него душа свободна. А темный все своимъ умомъ ворочать долженъ...

— Выравняетъ намъ нѣмецъ дорожки, не будетъ намъ ни рвовъ, ни буераковъ. Грязь, такъ и ту вымоетъ. Только, что народу до того времени сгинетъ, и какой-такой человѣкъ по тѣмъ путямъ ходить станетъ,—не придумаю...

— Объ одномъ жалко солдата, что у него голова на плечахъ... Эхъ, кабы да только руки—ноги, воевалъ-бы безпечально, царю славу добывалъ.

— Что вернусь—долго дома не заживусь, на каторгу живо угожу... Женка пишетъ, купецъ нашъ до того обижаетъ, просто жить невозможно. Я такъ рѣшилъ: мы за себя не заступники были, съ нами, бывало, что хошь, то и дѣлай. А теперь повыучились. Я каждый день подъ смертью хожу, да что-бы моей бабѣ крупы не дали, да на грѣхъ... Коль теперь попустить будетъ, опять на войну, что отару погонятъ... Нѣтъ, я такъ рѣшилъ, вернусь, и ножъ Онуфрію въ брюхо... Выучены, не страшно... Думаю, что и казнить не станутъ, а и станутъ, такъ всѣхъ устанутъ...

— Баба, что блинъ, бѣла да кругла, тѣмъ и мила. Моя баба въ три обхвата. Ей дѣтей рожать, что цвѣты сажать. А ума у ней не требуй... Письмо увидитъ, такъ до того испужается, что мокро подъ ней... А разъ, я ее съ пьяныхъ глазъ, иконой клясть почалъ. Такъ ее три дня потомъ бабы отливали, не въ себѣ была...

— А я только любовь-зазнобу узналъ. Другой такой нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ. Умильная, тихая, слова зазорнаго не знаетъ, всякую работу подымаетъ, и глаза черные, ровно жуки...

— Я на нее въ церкви, какъ глянулъ, такъ душу ей и отдалъ. Домой шелъ, все она представляется. Въ тотъ часъ рѣшилъ, что сватать только ее согласенъ. Сталъ хитрости выдумывать. Отца уломалъ, а мать затаилась. Женился. Мать-то ее поѣдомъ по сю пору ѣстъ... А мнѣ, съ другой бабой, что на печь,—что въ гробъ лечь...

— Гудокъ прошелъ, я въ ворота. Смотрю, идетъ, на меня не глядитъ. Приказчикъ къ ней. Она хвостомъ вертитъ, а отъ него, ажъ паръ валитъ, такая имъ другъ на дружку охота... Взялись объ ручку, пошли, я за ними. Они въ чайную. Я ввалился, грому надѣлалъ, отдай жену, кричу... Бери, говоритъ, вотъ она, вся твоя. А только завтра разчетъ... А мнѣ разчетъ не въ разчетъ, ребятъ двое... Смирился, шапку разодралъ, да не на емъ, а кровную... Ушелъ изъ чайной то, въ кабакъ... Да кабы воля, и посейчасъ-бы такъ...

— У меня братишка по семнадцатому году померъ. А годковъ съ пяти хворый былъ. Мамка его прибила, гусенковъ двое задавилъ, она его и сломала. Все сохъ, да сохъ... Вотъ этотъ такъ умѣлъ скучать. На печи мы съ имъ вмѣстѣ спали, середь ночи разбудитъ, да тихо мнѣ и скажетъ: „Сидоръ, а Сидорокъ, кошки мое сердце рвутъ, такъ скучаю... Что я, горемычный, съ собой дѣлать стану, какъ выросту—горбъ вѣдь у меня.“ Заплачетъ, да такъ всю ночь, до утра... Горькую скуку терпѣлъ...

— Я надъ рѣкою лягу, а по надъ озеромъ, или гдѣ вода стоитъ,—ни за тысячу не согласенъ. Былъ со мной случай. Съ бабой своей повздорилъ, въ село къ кабатчику за водкой сходилъ, да на обратномъ пути, надъ озеркомъ эдакимъ пристроился. Баранкой закусываю, и на бабу чертей пускаю. Подпилъ, и заснулъ до самаго мѣсяца... Выкатился мѣсяцъ, я глаза продралъ, смотрю, по водѣ какъ-бы круги идутъ... Словно рыбка играетъ... Ну рыбка и рыбка... Анъ не рыбка, а людскіе образы зеленые, безо рта, съ глазами выпученными... Смыкаютъ образы кругъ, и словно на стеблѣ, изъ воды тянутся къ мѣсяцу... Стебель тонкій, словно струнка, а образы, какъ подсолнухи, поднялись надъ водою, глаза закаченые... Понялъ я, что смертные это образы...

— Я не говорунъ какой Балакиревъ. И слово мое отвѣтное. Не допустилъ Господь крови попробовать, а такъ въ охоту, ровно не на аржаномъ взрощены. Скажу, гирей взвѣсишь...

— Вѣдьмы есть, крестъ приму на этомъ. Иду край села, въ девятомъ изъ конторы вышелъ, въ умѣ чаи-кофеи, и ничего страшнаго. Шасть подъ ноги собака, незнакомая, бѣлая и пятна по ушамъ... Думаю, приблудился песъ. А всего-то и любилъ я, что покой свой, да охоту... Я за собакой побегъ, чья такая, думаю... Хороша... Цмокаю, и всѣ клички перебралъ, не оглядывается и хвостъ подъ задъ зажала... Она подъ амбаръ, я съ другой стороны, а изъ подъ амбара-то Арина лѣзетъ... Запыхалась вся, ажъ парная, словно ее псы гоняли... Платокъ бѣлый, и на емъ при ушахъ пятна... На нее давно подозрѣнье было...

— Такое со мной бываетъ, что самое простое не пойму, ровно всѣ слова чужія станутъ. Надъ какимъ

словомъ, ну тамъ-хлѣбъ, али столъ, али песъ, все едино этою столбомъ. Чуднымъ кажется то слово, ровно ты дитя малое, и впервой тому слову учишься. Все это, думаю, отъ жизни здѣшней. Сонъ не сонъ та война, а и не житье настоящее...

— До села онѣ только ужъ ко всенощной добрались, и всѣ прямо въ церковь. Отстояли, темно ужъ. Куда ночевать проситься стали. Старуха старая ихъ догнала, къ себѣ зоветъ. „Идите, бабы, да идите ко мнѣ ночевать, я въ избѣ одна живу, и сѣна вамъ натаскаю, и хлѣбушка дамъ.“ Бабы съ радостью. Сѣновалъ она отперла, сѣна онѣ взяли, на полъ набросали, да и спать. А старуха на печкѣ легла. Только ночью, стукъ кто-то въ окошко, а потомъ дверь рвать. Бабы спрашиваютъ, всполохнулись. А старуха „цыте“, говоритъ. Только слышатъ дверь отворилась, пришло что-то въ избу, къ печкѣ, заслонку отворяетъ, ухватомъ горшки шевелитъ... А потомъ въ амшенникъ прошло, да тамъ хлопочетъ... А потомъ опять въ избу, и на печь скребется, лѣзть хочетъ... Тутъ стала старуха голосомъ молитвы читать, и бабы за ней... Сорвалось съ печки, не долѣзло, зубами застукало, да въ дверь, да со двора, въ окошко брякъ... Тутъ пѣтухи, и сгинуло... Старуха и говоритъ, „то невѣстка моя съ мѣсяцъ какъ удавилась, руки на себя наложила, ходитъ еженощно“...

— Я змѣй страсть боюсь. Я какъ то на братана играючи, вѣткой размахнулся, а на той на вѣткѣ гадюка привѣсилась, да мнѣ за пазуху. Я и обмеръ на долгій часъ, въ горячкѣ пролежалъ. Съ той поры и боюсь.

— Гляжу, что руки у васъ не какъ у людей, малы больно... И нѣтъ для нашего брата милѣе, какъ у сестры

руки нѣжныя... Словно во снѣ такая работаетъ... Все-бы не кричалъ, чтобъ не оглянулась, да не проснулась..

— Куда ночью солнце уходитъ, я не скажу. Чего не знаю, того не скажу. Только не вѣрю я тому, что будто мы отъ солнца сами ночью отвертываемся, и что свѣтитъ оно тогда другимъ какимъ мѣстамъ. Не можетъ того быть. Когда бъ и камни на землѣ говорить стали, и тѣ бы солнца отъ себя не пускали. А ужъ тварь то, живущая, безъ солнца, и Бога не увидитъ...

— Самое красивое на свѣтѣ—на рѣкѣ солнце встрѣчать. Выглянетъ оно, туманъ взовьется. А огонь—солнце, ровно легкій паръ, быстренько въ высь вскинется. Зальются птичьи голоса, застрекочетъ тварь разная подъ травами, и вода отъ многой жизни заплещется. Ровно ты при міра твореньи стоишь. Такъ и ждешь, Бога Отца ужаснуться...

— Любила она меня не знай какъ. Пока люба была, терпѣлъ любовь ея, а опостылѣла—хуже побоевъ считалъ, взненавидѣлъ. Все темно стало, на зло жить началъ, изсохъ весь. Уйти надобно было.

— Сказку буду сказывать, про чудо лѣсное.—Шелъ мужикъ лѣсными путями, берестяными лаптями... Долго шелъ, аль коротко, только стоитъ изба межъ елей, безъ оконъ, безъ дверей... Стукъ-стукъ, дай кости согрѣть, не на печь, такъ хоть въ клѣть... „Ты кто будешь, что меня, чудо лѣсное, будишь?.. Я чудо, ни добро ни худо. Меня чудо понять, въ руки золото взять"... „Вотъ-бы мнѣ чудо, что бабу, залучить... Чудо, а чудо... Я мужикъ здоровый, и до тебя готовый. Приходи на ночь въ клѣть, до свѣта буду пѣть... И солено,

и сладко, и съ краю, и въ накладку... До самаго до красна, пока заря ясна... Буду пѣть до упаду, и съ переду и съ заду"... Пришло чудо въ клѣть сталъ мужикъ чуду пѣть... А утро пришло, чудо въ избу ушло... Осталась золота охапка, только самъ-то мужикъ,— словно тряпка...

— Стой, кричу, стой, не бойсь, что холодно, а ты сигани, ноги не замочишь, Онъ сиганулъ, да въ воду. Надѣлалъ намъ бѣды, часа три искали, знашли нежива. Да всѣ на меня, чего мальца подбилъ... Будто на мнѣ тотъ грѣхъ. А я вотъ не чую, не я, такъ нѣмецъ. Теперь смерти то не уторопить, все во время...

— Говоритъ, я тебѣ теперь ничего больше невинна; что и было, то забыла, другой владѣетъ... Такое говоритъ, вредная баба... Нѣту злѣе правды...

— Эхъ жизнь духовная, потѣха человѣчья, не иначе. Жеребецъ по церкви ходитъ, да въ ризы святыя рыгаетъ съ перепою. Нѣтъ, ты мнѣ монаха дай, жизнью славнаго, тогда и вѣры требуй...

— Глупостей я знаю много. Вотъ дѣдъ, жилъ-жилъ, да на тотъ свѣтъ и угодилъ. Все у него отвалилось, только... и остался... Онъ бабу искать, нѣту, у бабы свое мѣсто. Онъ въ землѣ дырку провѣртѣлъ, да землю и сталъ любить... Да еженощно... Сладко дѣду, и заботъ нѣту... Только черезъ девять мѣсяцевъ, лѣзетъ изъ земли махонькій человѣчекъ, вылѣзъ, сѣлъ и говоритъ дѣду: „Здравствуй папаша... Умѣлъ родить, умѣй и кормить, умѣлъ пѣть,—умѣй и терпѣть". Вотъ те и безъ заботы...

— Я прошелъ впередъ, не замѣтилъ, какъ отдѣлился... Подходитъ нѣмецъ, да вотъ такъ и подходитъ, мѣрнымъ шагомъ... А я и забылъ, что бить нужно, всталъ, жду... Очень важно идетъ... Подошелъ, взялъ меня за грудь и на себя зачѣмъ-то тянетъ... Оба мы одурѣли... Тутъ я, какъ почуялъ желѣзо на его груди, холодное что-то, такъ первый въ себя пришелъ, и кулаками его обоими промежъ глазъ. Онъ сѣлъ, а я тогда винтовку поднялъ, да его прикладомъ, по тому-же мѣсту... Лица не видно, что крови... А что дѣлать дальше, не знаю. Вотъ не знаю, что дѣлать, коль ребятъ своихъ кругомъ нѣтъ. Не стоять-же коло него?.. Каску съ него подобралъ, свалилась, да назадъ... Свою часть ужъ не нашелъ. Вотъ тебѣ и подвигъ...

— Сижу я тихо, а онъ, вижу все до меня добирается, кого спроситъ, а все мнѣ кричитъ, „ты с... с... слушай, да на усъ мотай, а то я въ зубы тебѣ всю словесность кулакомъ всажу“... Съ этого его слова, душа у меня обомлѣетъ, и умъ за разумъ зайдетъ. Какъ до меня дойдетъ дѣло, не то что по наукѣ чего, а и имя то свое крестное забуду бывало...

— Сказать сказку не долго, да развѣ жъ сказка простое дѣло. Сказка сказкѣ рознь. Ина сказка, что ни слово—дерьмо готово, а то и така есть сказка—ума разума вязка.

— У насъ вольноопредѣляющій хорошо рисуетъ. Ну, все что увидитъ, такъ тебѣ похоже изобразитъ. Ровно все тебѣ вдвойнѣ, одно и то же... Ажъ скушно станетъ...

— Я думаю, очень интересно мнѣ должно быть въ театрѣ. Но не очень было понятно, кругомъ народъ

о своемъ шумѣлъ. Сказку-бы какую показали, тутъ понимать нечего; а душа въ чужой-то жизни, словно утица въ водѣ...

— Развѣ жъ убивецъ особенный какой человѣкъ, стараться для того немного надо. Пришелъ ты до дому, всего нехватка. Ребяты съ недокорму паршивѣютъ, хозяйка усохла, да тебя за ущербъ за всяческій поѣдомъ ѣстъ. Брюхо съ голоду день деньской гудитъ. А тутъ злодѣй ночной послѣднюю скотинку свести норовитъ. Ну, какъ поймешь, такъ въ головѣ окромя какъ бы того вреднаго со свѣту убрать,—ничего и нѣту, такъ и убьешь...

— Спросилъ батю, „чи правда, что на исповѣди грѣхъ скажу, хоть царя убилъ, а не скажетъ батюшка, запретъ такой?“—„Правда“,—говоритъ... Я ему и скажи про Агашку, что женился не на ней, а испортилъ дѣвку. А онъ спрашиваетъ, чи противъ совѣсти поступилъ? А я сказалъ, что по совѣсти, а противъ сердца... По совѣсти—отца съ матерью успокоилъ, а больно Марьи не любилъ, рябая... А онъ говоритъ, „главное по совѣсти, я тоже васъ на битву благословляю и крестъ даю цѣловать, по совѣсти... А по сердцу,—наплевать,—да къ попадьѣ въ поповку“...

— А у насъ какой батя былъ. Самъ малой, ротъ толстый да мокрый, глаза косые. А бабы, бывало, ни одной не пропуститъ. На стирку къ себѣ зазоветъ, да и мнетъ ее по чемъ зря. Какъ дознались, били его сильно, и благочинному жаловались. Лютый попъ былъ, вдовства не могъ вытерпѣть, крутилъ-мутилъ, и повѣсился...

— И чего отъ меня думаетъ, не пойму. Умасливетъ, и такой, и сякой, немазаный... И уменъ то, и доберъ, что молъ, плохо жить такому орлу. Иди, говоритъ за нами, мы русскому народу свѣтъ показать хотимъ. Къ чему, думаю, рѣчи такія?.. А какъ сидѣлъ на подсудной скамьѣ, такъ сказать былъ долженъ, за что жидовъ громилъ. Вотъ и сказалъ, что нанялся, правду сказалъ. Изъ суда домой пришелъ, хозяинъ бить сталъ, за правду мою... Говоритъ, развѣ душу нанимаютъ? А что деньги давали, такъ то на прожитье... Билъ и срамилъ, и въ ночные перевелъ...

— Что здѣсь плохо—многіе изъ нашего брата, нижняго чина, сонъ теряютъ. Только глаза заведешь, ровно лавку изъ подъ тебя выдернутъ, летишь куда то. Такъ въ ночь то разъ десять кричишь, да прокидываешься. Развѣ жъ такой сонъ въ отдыхъ; мука одна. Это отъ войны подѣлалось, съ испуговъ разныхъ...

— Чудно мнѣ здѣсь передъ сномъ бываетъ, какъ устану. Ровно не въ себѣ я. Ищу и ищу я слово какое ни на есть, нѣжное только. Ну, тамъ, цвѣтикъ, али зорюшка, либо что другое, поласковѣе. Сяду на шинель, да самъ себѣ разъ десять и протвержу то слово. Тутъ мнѣ, ровно кто приголубитъ, сдѣлается и засну тогда...

— Молчальникомъ мы его звали. Лицо у него дѣвичье, а сила въ рукахъ была, ровно у богатыря стараго. Оглобли ломалъ, обиды жъ не чинилъ никому. Такъ вотъ, видѣлъ я, что жизнь то наша безтолковая, да небережливая, изъ того молчальника понадѣлала. Угнали его за безпорядки. Спился, лицомъ страшенъ сталъ, силушка изъ рукъ то въ дрожь перешла, и молчанье свое на послѣднюю на матерщину смѣнилъ..

— Сталъ онъ ко гробу, руку протянулъ, „невиненъ“,—говоритъ... А самъ глаза закрылъ... Только слышитъ, шумъ, топотъ, суета по церкви, и крики... а потомъ, словно послѣ грому, тишь настала... Раскрылъ глаза, Матерь Пречистая!.. Вплотную стоитъ передъ нимъ покойникъ, кровь изъ раны его хлещетъ, а въ церкви только они двое... Ужаснулся народъ, разбѣжался... Глянулъ злодѣй мертвому въ очи, и померъ...

— Лѣса густые да древніе, таки лѣса непроглядные, ровно не идешь скрозь нихъ, а только то въ пѣснѣ старинной поется. Такой лѣсъ стоитъ, дороги въ немъ не торятся, сила въ землѣ той великая, путину человѣчью травой-буйной заростит, сучьями завалитъ и на самомъ на нужномъ на мѣстѣ ручей быстрый погонитъ. Въ лѣсу томъ жизнь чужая, не для ока человѣчьяго, и нежить есть...

— Лекарство сталъ принимать, докторъ ругается не работай, да не работай, а то совсѣмъ кишки вылѣзутъ... Вотъ лѣсъ возилъ, и вывалились кишки... А на войну годенъ оказался... Здѣсь все легко, коли страхъ подымаешь.

— Сидитъ сѣденькій старичекъ, и лапти накручиваетъ. Не видать по немъ, что чего выучить въ силахъ..: Я присѣлъ, и долгіе разговоры у насъ пошли. Научилъ меня всему... „Горе людское, что тѣнь облачная. Пока не ослѣпъ, все солнце жди. Пройдетъ тучка, выглянетъ красное. Худо только одно,—на жизнь слѣпу быть, да солнце-радость забыть“...

— Къ рѣкѣ полянка бѣжитъ, деревами усажена ровно такъ. Зелень по ней бархатная, и посередь ея

ручеекъ туда-же въ рѣку бѣжитъ. Глазу сладко и сподручно, на простоту эту радоваться...

— Птицы, вотъ по комъ я здѣсь скучаю. Я вѣдь птицеловъ, охотникъ... А здѣсь нѣту птицы. Попоетъ птаха недолго, и отъ выстрѣла охоту къ мѣстамъ этимъ теряетъ. Для меня, птичья тишина, словно громъ... Я только къ птицѣ и ухо имѣю...

— Я прежде коло саду ходилъ. И отецъ мой садовникъ, и дѣдушка тоже. Крѣпаки садовники были. Дѣдъ, тотъ заграницей саду то обучался. И мать садовничья дочка. Вотъ, я отъ того и нѣжный такой. Мы споконъ вѣковъ крови не видывали, да на цвѣты радовались. А на войну то только съ червями, да съ жуками хаживали. Меня изъ сада то выкорчевали, ровно грушу старую. Какой я воинъ...

* * *

Душа вольная, свѣтъ широкій—
празелени-зеленя, во поляхъ, во садахъ
на яблонькахъ.
А по осени, на рябинушкѣ, на рябинушкѣ,
на калинушкѣ.
Душа вольная, свѣтъ широкій—
на грибной, на алой шапочкѣ, на лѣсной,
на спѣлой ягодкѣ, на всякомъ на цвѣтикѣ
лазоревомъ...
Душа вольная, свѣтъ широкій—
на лисьемъ на хвостѣ—искрасна, на дѣвичьемъ
на лицѣ—измлада, на сѣдомъ на умѣ—издавна...
Душа вольная, свѣтъ широкій...

VII.

* * *

А какъ нѣмецъ кофій пьетъ,
Съ сахаромъ въ накладку,
У него война идетъ,
Ровно бы въ прохладку.
Какъ окопы съ оконцомъ,
А въ стѣнѣ картина,
Какъ постеля съ матрацомъ,
Не натрудишь спину.
Какъ въ окопѣ чистый полъ,
Подъ воду боченки,
Какъ день цѣлый полонъ столъ,
Цѣльну ночь дѣвченки...
И веселье и питье,
Безпечальное житье...

Какъ Вильгельмъ насъ устрашилъ
Шесть мошенниковъ родилъ.
Гинденбурскій генералъ
Всю Варшаву ...

Худыхъ дѣвокъ да старушекъ,
Бережемъ мы для братушекъ.

Мы братушекъ въ плѣнъ возьмемъ,
Пусть ихъ любитъ ночью-днемъ.
Нѣмчурѣ дадимъ по росту,
Что ни дѣвку, то коросту.

Сушилъ сушилъ я портянки, да не высушилъ,
Сидѣлъ, сидѣлъ я въ окопѣ, да не выскочилъ.
Какъ Егорья захочу
Изъ окопа заскачу,
А Егорій не дается,
Надъ моей бѣдой смѣется...

Спой-ка пѣсню канареечка,
Про судьбу мою злодѣечку,—
Какъ на фабрикѣ свои жилы рвалъ,
Какъ по праздничкамъ съ бл... гулялъ,
Какъ женился на немилушкѣ,
Наплодилъ дѣтей, словно адъ чертей,
Пораздалъ дѣтей по чужимъ семьямъ,
Колотилъ жену я ажъ до синя...

На войну какъ насъ то брали,
Всю мы путь со страху с....
А какъ сѣли мы въ окопы,
Отсырѣли наши ж....
Только задъ мы обсушили,
Тутъ насъ бомбой устрашили.
Напужали, что собаку,
И велятъ итти въ атаку.

Какъ турецкій то султанъ,
Взялъ у нѣмца синь кафтанъ.
Скинулъ феску, шаровары,
Пошли съ нѣмцемъ тары-бары.
Дай намъ злата милліонъ,
И бери насъ всѣхъ въ полонъ.
Будемъ мы съ тобой въ союзѣ,
Только-бъ сыто было въ пузѣ.
А Макензинъ капитанъ
Плохо турокъ пропиталъ.
Какъ у турка вспухло брюхо
И пошла у нихъ разруха.
Ты зачѣмъ нѣмецкій стерва
Намъ даешь гнилы консервы?
Хлѣба далъ, что котъ наплакалъ,
Такъ садись ты задъ на колъ.
Сѣлъ нѣмчуга на колу,
Свѣсилъ ножки до полу.
Онъ не долго посидѣлъ,
За нимъ дьяволъ прилетѣлъ.
Взялъ Макензина за воротъ,
Потащилъ въ пекельный городъ.
А ужъ тамъ сидитъ давно,
Все нѣмецкое г....
Гинденбургъ, обнявшись съ Вилькой,
На одной торчатъ на вилкѣ,
Подцѣпили кронпринца,
За обои за ...
Францъ Іосифъ старичекъ
Зацѣпился за крючекъ.
Фердинанда-же собаку,
Закопали носомъ въ с....
Вокругъ нѣмцевъ бѣсы скачутъ,
Нѣмцевъ матерно собачатъ.
Будешь нѣмецъ вѣкъ терпѣть,
Заслужилъ, м...т... ...

Исходилъ я цѣлый свѣтъ,
Аккуратнѣй нѣмца нѣтъ.
Какъ онъ рану заполучитъ,
Сейчасъ ножки подкорючитъ,
И приляжетъ на песокъ
На положеный бочекъ.
Онъ четыре раза охнетъ,
А на пятомъ разѣ сдохнетъ,
Все чтобъ въ самый акуратъ,
Ужъ такой онъ супостатъ...

Ты скажи, скажи братишка,
Коль головка хороша,
Пораскинь ка ты умишкомъ,
Хуже нѣмецъ, али вша?
Какъ насъ нѣмецъ убиваетъ,
Не по малу, разомъ,
А какъ вша насъ поѣдаетъ,
Что лиха зараза.
Эхъ, не страшенъ супостатъ,
Его не боюся,
Съ нѣмцемъ биться я бы радъ,
А со вшою боюся...

Ужъ какой у насъ начальникъ,
Просто Богу кланяться,
Какъ ни пальчикомъ не тронетъ,
Ни дурнемъ ругается.
Онъ намъ пищу всю провѣритъ,
Объ одежѣ справится,

Онъ солдату просто вѣритъ,
И чиномъ не хвалится...

Ухъ, и старъ Іосифъ Франецъ,
Издырявился, что ранецъ.
Вильгельмъ душитъ, не жалѣя,
Австріяка дуралея.

Цѣльный мѣсяцъ съ тобой бился,
Да на печку напросился.
Какъ за то ты мнѣ постыла,
Что меня ты допустила.
Да по что ты мнѣ мила,
Коль себя не соблюла.
Прокляните мать-отецъ,
Возьму чесну подъ вѣнецъ.

Ты признайся генералъ,
Какъ войну ты воевалъ?
— „Какъ бывало я вскочу,
Умываться захочу,
Трутъ меня душистымъ мыломъ,
А я имъ рукою въ рыло.
Тутъ чесать, да одѣвать,
А я матерно ругать.
Чаю-кофію напьюсь,
Да на койку завалюсь.
А отъ нѣмцева орудья,

Оченно болѣлъ я грудью,
А отъ пушечнаго звука,
Засвербило мое ухо.
Мнѣ коляску подаютъ,
Въ лазаретъ меня везутъ.
Такъ то разъ меня везли,
Да знать плохо берегли,
А нѣмецкій еропланъ,
Мнѣ на голову наклалъ,
Мнѣ на голову наклалъ,
Я на небо и попалъ"...
— „Убирайся ты къ чертямъ,
Ты не воинъ, чисто срамъ,
Для такого на томъ свѣтѣ,
Не знайдется лазарета"...
Осерчалъ тутъ генералъ,
Задираться съ Богомъ сталъ:
„У меня красна подкладка,
У меня своя палатка,
У меня жена вся въ бантахъ,
А тужурка въ эксельбантахъ,
Какъ на мой на кажный палецъ,
Есть хорошій ординарецъ,
Какъ на кажный башмачекъ,
Есть особый деньщичекъ."

Столь Вильгельма ненавижу,
И зарѣжу коль увижу.
А Вильгельмову супругу,
Я по ... да подпругой,
А Вильгельмова сынка,
Раздеру я до пупка,
А Вильгельмову сестру,
Подъ себя давно вострю,
А Вильгельмовыхъ то дочекъ,

Раздеру до самыхъ почекъ.
Какъ я крестъ съ него сдеру,
Крестомъ ... отдеру...
Коли двери на запорѣ,
Не велико это горе,
Мы казаки ровно звѣри,
Лѣземъ въ окна, словно въ двери...
Ничего-то мнѣ не надо,
Битва вотъ моя отрада,
Пропадай ты все пропадомъ,
Мнѣ Георгій есть награда...

Вы военные студенты,
Вы каки интелигенты...
Онъ не въ книжку читанетъ,
Онъ къ сестрицѣ все идетъ.
Ничему онъ насъ не учитъ,
Коло барышень канючитъ,
Не работу работаетъ,
Поварское уплетаетъ...

Ухъ, ухъ, ухъ, ухъ,
На войнѣ я пѣтухъ,
На одной ногѣ скачу,
Да со страху кричу...

Пушка громомъ бухаетъ,
Во мнѣ печенка ухаетъ,

Съ пулеметнаго огня,
Да подвело всего меня,
А съ ружья сгубилъ я силу,
Мнѣ въ траншеѣ, что въ могилѣ...

Какъ въ атаку мы пойдемъ,
Тамъ Георгія знайдемъ.
Я съ окопа выскочилъ,
Да раненье получилъ,
Такъ мнѣ нѣмецъ засвѣтилъ,
Я Георгія забылъ...

Я гимназію не кончилъ,
Да въ окопы прямо скочилъ,
И попалъ въ ниверситетъ,
На геройскій факультетъ...

Тутъ бабью какое счастье,
Что стоятъ пѣхотны части.
Пѣхотинецъ безъ каприза,
Что ни баба, то суприза...
Будь Арина, будь хоть Фекла,
Будь малина, будь ты свёкла,
Будь ты ключикъ прохладно́й,
Будь ты дворикъ проходно́й,
Будь хоть лужа при дорогѣ,
Пѣхотинцу только бъ ноги...

Ужъ ты нѣмецъ—колбаса,
Натянулъ ты намъ носа,
Какъ мы чаяли, что лопнетъ,
По башкѣ онъ насъ какъ хлопнетъ.
У него ружье, что пушка,
У насъ пушка, что хлопушка,
Ероплапъ у нихъ не дóстать,
У насъ—курка мокрохвоста,
Какъ галета ихня—медъ,
Съ нашей—круглы сутки рветъ,
У нихъ баня хороша,
А насъ сутки гложетъ вша,
Ихъ начальникъ, что картина,
Нашъ дерется какъ скотина,
Для нихъ музыка играетъ,
А насъ матерно ругаютъ,
Нѣмцу взводный ручку жметъ,
А намъ взводный морды бьетъ...

Какъ я вспомню про деревню,
Ажъ душа ломается,
Въ той деревнѣ моя женка
На работѣ мается.
Какъ я вспомню про деревню,
Ажъ рука зачешется,
Въ той деревнѣ моя женка
Съ мужиками тѣшится...

Укажи ты мнѣ святаго,
Что бы женскъ полъ обожалъ,
Я бъ на брюхѣ предъ иконой
Цѣльный Божій день лежалъ,

Я бъ молился, не отсталъ,
Пока бъ гладку бабу далъ,
А то просто не въ терпежъ,
Съ одиночки пропадешь...

Не обрался я бѣды,
Какъ попалъ я вотъ сюды,
Не пришелся я по нраву,
Никогда не буду правый.
Нѣту хуже взводнаго,
Для кого невгоднаго,
Все ругается да бьетъ,
Да со свѣту сживетъ.
По окопу нѣмецъ шкваритъ,
По сусаламъ взводный жаритъ,
Не житье, а чисто адъ,
Я домой удрать бы радъ,
А домой не удерешь,
Дезертиромъ пропадешь.
Буду жить да утѣшаться,
Да геройства набираться,
Какъ Егорья получу,
Такъ никто не по плечу...

Нѣту хуже той напасти,
Какъ служить въ пѣхотной части,
Пѣшки день деньской идешь,
Только ляжешь, гложетъ вошь,
Только вшу почнешь гонять
По окопу бомбовъ пять,
Всѣ печенки первернутся,
Тутъ команды раздадутся,—
Эй, ребяты, не сиди,
На штыки время идти...

От̀ царя исподняя,
За то шкура родная.
Такъ мнѣ станетъ жалко шкуры,
Не испортилъ бъ врагъ фигуры,
И фигуру и лицо,
Обручальное кольцо.
Станутъ ножки, что пуды,
А податься некуды...

Былъ я юноша не слезный,
А теперя сталъ сурьезный,
Шутокъ больше не шучу,
Все зубами я стучу.
Застучитъ тутъ всякъ зубами,
Какъ засыпитъ врагъ бомбами,
И дымитъ то и гремитъ,
И по людямъ страхъ стремитъ...

Какъ веселье на войнѣ
Только въ бабѣ да въ винѣ,
Какъ геройски мы возьмемъ,
Будь хоть ночью, будь хоть днемъ,
Всѣ затулинки обыщемъ,
А вина да пива сыщемъ.
Всяку душеньку увидимъ,
И старушки не обидимъ.
Если бъ бабы не видать,
Плохо стали бъ воевать,
Коль безъ бабы, безъ вина,
Такъ какая то война...

Мамка замужъ выдавала,
Голубину кровь давала,—
Какъ ты ляжешь перву ночьку,
Вылей крови на сорочку...
Какъ я къ мужу то попала,
Цѣлу ночьку проскакала,
Такъ-то съ милкой сладко было,
Я про кровь-то и забыла.
Мужъ на утро дознался,
Колошматить принялся.
Цѣльный день меня онъ бьетъ,—
Любитъ ночьку напролетъ.
Ты дери меня дери,
До вечерней до зари,
А съ вечера до утра,
Моя сладкая пора...

Насъ вонъ долго не учили,
А въ чугунку усадили
И погнали на войну,
Во чужую во страну.
На спинѣ моей котомка
И ружьишко на рукѣ,
Ты прощай моя сторонка
И деревня при рѣкѣ,
И деревня и садокъ,
И пашенька, и лужокъ,
И коровушка Красуля,
И зазнобушка Акуля.
Здѣсь австріецъ кашу варитъ,
По окопамъ бомбой жаритъ.
Здѣся свѣту не видать,
На себя не работáть,

Никуда тутъ не уйти,
Только бъ шкуру сберегти...

Напиши, товарищъ, строчку
Моей мамашѣ про войну,
Продырявилъ врагъ сорочку,
И сорочку и спину.
Какъ мамашѣ жалко спину,
А сорочки пожалчѣй,
Для чего съ себя не скинулъ,
Поизранило бъ ловчей...
Напиши письмо, товарищъ,
Ты моей вѣрной женѣ,
Чтобы долго не тужила,
Не печалилась по мнѣ.
Станетъ женушку карячить,
Станетъ съ горя распухать,
Девять мѣсяцевъ проплачетъ,
А потомъ байстря рожать...
Что мамаши, что жены,
Всѣ бабами рожены...

Во пѣхотномъ я полку,
Ровно снопикъ на току,
Коли нѣмецъ не колотитъ,
Взводный шкуру мнѣ молотитъ,
Подо мною ножки гнутся,
Всѣ поджилочки трясутся...

Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду,
Какъ попалъ я тутъ въ бѣду,
Во слезу горючую,
Войну неминучую.
Ты скажи святой угодникъ,
Чего война сладилась,
Чего война сладилась,
До русскихъ наладилась.
Какъ нашъ русскій то народъ
Все копалъ бы огородъ,
Да садилъ бы рѣдьку крѣпку,
Да садилъ бы сладку рѣпку,—
По полямъ бы спѣла рожь,
А война намъ невтерпежъ...

VIII.

Милые вы мои, свѣта я не взвидѣлъ. Нѣту тѣхъ словъ, не вмѣстить слову всей болѣзни. Оторвало отъ меня кусъ большой. Чую, до самаго краю боль подошла, дальше то и принять той боли нечѣмъ, не по силѣ человѣку. Только тѣмъ мы и спасаемся, что паморокъ...

— За что мнѣ Георгія дали? Одно скажу, не за самое страшное. Вонъ мнѣ страшно было, какъ я одинъ средь враговъ попалъ. У меня голова дурная, сплю я ровно колода безчувственная. Вотъ, въ перелѣскѣ привалился, да на тотъ свѣтъ и ухнулъ, сплю бревномъ. А проснулся ночью, кругомъ костры, и одна нѣмота проклятая. Ни душеньки русской не слыхать. Что страху принялъ. Сердце во мнѣ молотомъ стукало. Сдавалось на всю округу стучитъ. И зубы, не хуже, какъ передъ ротой, дробь выбивали. Однако къ утру ушла погань, ровно туманъ отъ свѣта.

— Не сгинетъ мужикъ русскій со свѣту, крѣпко въ землю вращенъ мужикъ. Земля ему мать-отецъ, война ему золъ-конецъ.

— Загудѣло грому страшнѣе, обвалилась на насъ земля... Сразу-то ничего не понять, духъ пропалъ... А какъ

пришелъ въ разумъ, смерти тяжче, живой въ могилѣ... Песокъ во рту, въ носу, дышать нечѣмъ... Опять обезпамятѣлъ... Откопали вотъ, весь поломанъ, и чубъ сивый...

— Ускакалъ онъ, кричитъ—съ нѣмцемъ вернусь. Точно, приволокъ онъ нѣмца, до того избитаго, просто, какъ мѣшокъ, черезъ сѣдло то болтался. И такой разговорчивый нѣмецъ оказался, лопочетъ безперечь, и спрашивать не надо. Только самимъ то понять не по силѣ было, а пока начальство до нашей до халупы пришло, онъ ужъ и померъ...

— Когда первый разъ сюда пришли, не хорошо обитатели насъ держали. Въ умѣ своемъ еще не поняли того, что русскіе сильнѣе, не додумались. Я на постоѣ тихо-мирно у семейства жилъ и все старательно исполнялъ, чтобы никого не обидѣть. И воду имъ таскалъ, и ребятъ нянчилъ. Однако волками смотрятъ... А второй разъ такъ просто смѣються въ глаза. Да и я ужъ не такой сталъ... Съ дочкой старшей любовь силкомъ закрутилъ... Мужъ то ея на войнѣ, сама красивая... И очень меня потомъ ласкала охотно, я тогда здоровый былъ... Постоялъ, насмутьянилъ, дѣтей до крови выпоролъ, и уѣхалъ... А въ третій, такъ ноги лижутъ... Знаетъ кошка, чье сало съѣла... Ну, да я ихъ теперь, прямо таки, презираю...

— Спроси ты меня, могъ ли бы я безъ глазъ жить, и не знаю. Вотъ, все жду, что зрячимъ стану. Свѣтится мнѣ теперь солнышко, мрежитъ, ровно въ щелку. А прежде то ничего не видѣлъ, и были мнѣ глаза, только для слезъ надобны. Круглыя сутки плакалъ, смерти просилъ...

— Море я увидѣлъ, и не повѣрилъ глазамъ своимъ, такая краса Божья! Только съ тѣхъ поръ сталъ я Писанье хорошо понимать. Красѣ-силѣ Господней сталъ съ понятіемъ вѣрить. Нашему брату все вынь да положь, а то и вѣры неймется...

———

— Выпила она малость, и такое озорство учинила, хоть мужику въ пору. Ахъ, ты, говоритъ, такой сякой. Очень ты мнѣ нуженъ. Что я тебя, до этой облизяны завидую, что ли. Нѣтъ того. А только, какъ вижу я, что ты ко всякой бабѣ жмешься, абы чужая, да новая. На то сердце мое горитъ, что изъ за тебя, никчемнаго, душу я свою черню, и старость слезами тороплю...

———

— Вотъ вѣришь не вѣришь, а дышетъ земля. Только не всегда ты къ ней слухъ имѣешь... Жизнь больно округъ шуму дѣлаетъ, некогда ни до чего прислушаться—приглядѣться. А бываютъ дни такіе, и ночи особенные. Душа оторвется отъ нужнаго и слышитъ-видитъ, какъ земля живетъ, отдѣльно будто. Колышется травами-водами, паромъ-туманомъ дышетъ, и цвѣтами-запахами около живаго всего проступаетъ. Свою жизнь земля имѣетъ, такую великую, что только чуть на это у человѣка, а знатья никакого. Вотъ, думаю, монашеское житье настоящее, многое разъяснить можетъ, да гдѣ таки скиты есть...

———

— Выдумки, говорю, выдумки вражьи. Душа, да душа... А душа въ тѣлѣ хороша. А хорошо тѣло—повсегда при дѣлѣ... Значитъ работай, округъ себя смотри, и объ земномъ пекись. А то душа, да душа, а сами ровно свиньи...

———

— Вотъ скажу тебѣ про то сказку: жилъ мужикъ за печкой, у самой у рѣчки. Изъ за печки руку въ рѣчку, рыбку хвать, да и жрать... Не жнетъ и не сѣетъ, только жретъ, да ..... Наклалъ ..... вышку, подъ самую крышку. До неба добрался, съ неба голосъ роздался, „Чего ты за.... прешь въ небесны двери“. — „Я молъ, долго жилъ да жилъ, николи и ничѣмъ не грѣшилъ, изъ избы не вывалился, все то жилъ я одинъ, да Богу маливался“... —„Эй, берите бѣсы лопаты, уберите къ себѣ того хвата, съ ..... его вмѣстѣ, быть тому мужику въ черномъ мѣстѣ. Нашелъ чѣмъ хвалиться, велика тотъ мужикъ птица. Съ великихъ дѣлъ, да трудныхъ трудовъ такой духъ исходитъ, что до Господа небеснаго доводитъ; а за печкой то сидя, такой духъ мужикъ пуститъ, что и нечистый къ себѣ не допуститъ“...

— Я на немъ мундиръ разстегнулъ, и портретъ дамы одной нашелъ... Вотъ онъ это и есть. Не только, что красива, съ собой ношу... А жаль мнѣ ее, сироту горькую... Грѣлъ онъ ее сердцемъ-то, а теперь, вотъ, я ее жалѣть буду...

— Зоветъ меня, вотъ, говоритъ, тебѣ письмо. Пойди за уголъ, что коло церкви, тамъ барышня дожидаетъ, отдай. А отвѣта не надобно, не бери. Пришелъ я, вѣрно, стоитъ дѣвица, собой красавица, заплаканная, ждетъ. Письмо взяла, я уходить, а она—голубчикъ, возьми отвѣтъ—и плакать. Я зажалѣлъ, взялъ цыдульку. А принесъ, вздулъ меня баринъ за письмо, за слезное. Она плачетъ, у барина печенка пухнетъ, а у меня морда на сторону. Нѣту въ слезѣ для людей добра...

— Я ей писалъ одно, не тоскуй,—вотъ и выучилъ... Развѣ бабья душа понимаетъ? Она то по тебѣ уби-

вается, то другому ноги моетъ. Не хочется о своей такъ разсуждать, она мнѣ дѣтей принесла... А такъ приходится думать, что баба, какъ вещь бездушная, что ты въ ее положишь, то и есть въ ей...

— Бить я жену давно пересталъ. Понялъ, что не больно это хорошо, какъ сонъ мнѣ приснился, будто я самъ баба, а мужъ будто меня здорово прибилъ... Много-бы лучше было, кабы про все сны снились. Вотъ бы нѣмцу привидѣлось, каково намъ здѣсь жить проклятно, скоро бы отвоевался... А насъ учить, лбомъ въ стѣну бить, и то не научишь...

— Я какъ лягу, объ чемъ думаю?.. Хорошо бы, всего лучше, чтобы я такъ быстро читалъ, какъ говорю... Господи, думаю, читалъ бы я тогда всю свою жизнь, и всю жизнь свою забывалъ бы...

— Пошелъ посмотрѣть, вижу, лежатъ они, холстомъ прикрытые. Иди, говорятъ, можетъ ты опознаешь. Я подошелъ, конецъ поднялъ, глянулъ. Сердце мое упало, и вижу сразу, чье это дѣло. И нѣтъ, вѣдь, чего такого особеннаго. Лицомъ оба страшны, да ужъ чего въ смерти напрасной, красотѣ какой дивиться... И не въ томъ для меня дѣло то стало. Да, словно крикомъ видъ ихній, такой страшный, кричалъ, и сразу въ догадку стало, кто убивецъ. Отошелъ и сказалъ, правдой оказалось...

— Думалъ я долго надо всѣми дѣлами людскими. Особливо, почему я нищъ и убогъ, а у другого брюхо по колѣни. Годы цѣлые думалъ, слушалъ умныхъ людей, и ученыхъ спрашивалъ. И одно рѣшилъ: всѣ мы равны на свѣтѣ семъ. Чего у него много—

того у меня мало. Одно на одно и выходитъ. Вотъ, пока смѣшно мнѣ, а какъ въ сурьезъ пойму, на ладошки и понаплюю...

— Нѣтъ у меня въ душѣ добра противъ богатыхъ. Больно-то богатыхъ я и не видѣлъ, однако думаю, что еще хуже... Ему бѣдный, что дурень, что прямо злодѣй. Брюха не нажилъ, значитъ плохо жилъ... Много имъ дадено, а народъ самый вредный... И богачъ на одной ж... сидитъ, а такой гордый, словно двѣ подъ имъ...

— А ты не надъ этимъ думай, и не осерчаешь. И объ насъ Господь печется. И намъ радости есть простыя. Самыя онѣ настоящія. Отъ солнца да звѣзды, отъ добра—да отъ ангеловъ. Того самъ не придумаешь. Не кали души завистью, а на округъ себя любуйся, да Господа за житье благодарствуй...

— Кто въ городу пожилъ знаетъ, что такое наука. И какъ она людей на верхъ ставитъ. Хоть бы домъ большой, городской. Высокъ въ гору, красивъ, великъ ровно село большое, строятъ же его простые, не грамотные. Ползутъ по постройкѣ той мурашами, кладутъ камни по чужой указкѣ, нѣту имъ въ глазахъ дома того красы и ладу. А выстроилъ мужикъ, набилъ себѣ за то брюхо кашей, отъ дома того отвалился, да за избой своей курной ..... А живутъ то въ этомъ дому только ученые люди.

— Объ наукѣ я много не знаю, однако всегда разсуждаю: ровно чудо, эта наука самая. Вѣрно, такъ и въ старину то чудеса бывали. Кто попроще, за чудо считалъ, а кто поученѣе, причину знали. Нашему то брату

темному, грѣхъ не великъ науку хаять, а, вотъ, ужъ ученому человѣку, совѣсти нѣтъ, надъ простой надъ вѣрой измываться...

— Насъ на худое нѣтъ труда подсыкнуть. На жидовъ же нашего брата, ровно гончихъ выпускаютъ. Гони да тявкай, да казенный хлѣбушка чавкай. А тутъ особенно понятіе нужно имѣть. Евреи народъ древній, у нихъ сила въ уму, и книги есть старыя. Не даромъ Господь Іисусъ Христосъ у евреевъ явился. Черезъ тотъ случай урокъ христіанамъ. А то, напускаютъ со своры, ровно, что въ хилости еврейской вся вина, и злу нашему потачка...

— Помню, словно нынче, какъ папаша лампу керосиновую привезъ. Заправлять не умѣли, съ мѣсяцъ все въ избѣ керосиномъ несло, и хлѣбъ, и квасъ, и все. ъ загорѣлось, да такъ свѣтло стало на душѣ, ровно не къ ночи дѣло. Изъ избы ушелъ-бы, такая изба черная показалась...

— Дурни всѣ, которые безграмотные. Ты, даве, что такое прочелъ? „Сѣкла“ замѣстъ „стекла“... Такъ оно и вѣрно, что пороть тебя надо. Самъ бревно, и башка .....

— Остался я сиротой по восьмому годку, отдалъ меня дяденька къ сапожнику. Вотъ, жизнь то была, смѣхъ вспомнить! Круглыя сутки побои, да совсѣмъ не кормили, объѣдки подбиралъ. Такъ бывало и говорятъ, самъ добудешь—сытъ и будешь. И воровать то не выучился, и неколи, и негдѣ. Собачили меня такъ

то до четырнадцати годовъ, въ темнотѣ безграмотной, да въ голоду-холоду. А въ четырнадцать съ товарищемъ мальченкой утекъ босячить. Жизнь узналъ, и, почитай, впервые солнце примѣтилъ.

Запой пѣсню соловушко,
Про побѣдну головушку.
Нѣтъ ни матки, ни отца,
Нѣтъ ни сестры, ни братца,
Ни портянокъ, ни сапогъ,
Ни волосьевъ, ни зубовъ,
Нѣту пашеньки ни пяди,
Нѣтъ ни женушки, ни б....

— Въ тотъ лѣсъ, горшки, что упокойниковъ обмывали, кидали бывало. И много тамъ костяники и грибовъ родило, да никто собирать не хотѣлъ. Сказывали, что и звѣрь и птица туда помирать удалялись. Смутный лѣсъ былъ. И въ сухояръ надъ нимъ туманъ курился, и тлѣномъ тянуло. Ночью и мимо-то ходить боялись... Голоса слышны были, а кто слышалъ, долго послѣ того не заживался...

— Пустили, и сталъ я смотрѣть звѣрей и птицъ разныхъ. Красота на свѣтѣ несказанная. На птицѣ перье, ровно радуга небесная, и глаза у ней, камни самоцвѣтные. А звѣри таки есть, вѣрить трудно. Вотъ тебѣ левъ, царь звѣрей. Округъ народъ стоитъ, по пустому любопытствуетъ, а тотъ лежитъ не шелохнется, глядитъ скрозь тебя, ровно ты мѣсто пустое. Свое что то видитъ, непохожее. Сила чуется подъ шкурою, такая, ровно сталь литая, и тишь его страшная...

— Сгорѣла изба моя, и амбаръ, и скотинка: коровка, да двѣ овцы заводскія. Остался я голъ и нагъ, и только тѣмъ не угодникъ Божій, что семейства у меня семеро ребятъ, да мамаша слѣпая, да жена на сносяхъ. А на счетъ мытарствъ, такъ хоть и святому великомученнику въ пору...

— Замѣчательный онъ человѣкъ былъ. Боязно его было, и совѣстно его было, и не понять, что въ немъ за сила такая была. Хилый да слабый, на глазахъ очки, съ клюкой всегда. А душа свѣтлая, жалостливая, и большую силу та душа брала...

— Я козырялся не долго. Поднялъ что лежало, а то бы пропало. Не снесть, не съѣсть, а все есть...

— Вышли мы рано, еще и туманъ стоялъ. И рѣшилъ я, что послѣдняя то моя дорога будетъ, убьютъ безпремѣнно. Идемъ мѣрно, кто крестится, кто спину проминаетъ... А разговоровъ нѣту, не до нихъ, каждый въ омутъ ныряетъ—да жизнь вспоминаетъ. Шли, шли, встали, ружья сняли. Ноетъ тѣло ровно мозоль старая. Такъ бы и вылѣзъ изъ шкуры, до того поизносился въ походѣ...

— Я за халупкой маленькой на лежнякѣ прилегъ и заснуть норовлю, нѣту сна съ устали. Слышу, подъ лежнякомъ говоръ тихій, словно бабы шепчутся, а встать не въ моготу. Только чую не ладное, нагнулся, въ отдушину глядѣть, голосъ ясный, а словъ не пойму, видать ничего не видно. Тутъ пошли стрѣлять по насъ, дѣть себя просто некуда. Ушли за село, а какъ вер-

нулись, гляжу, нѣтъ той халупки, замѣсто нея яма въ землѣ глыбокая, а въ ямѣ ихній съ телефономъ, весь развороченый...

— Толкомъ пишу письма, а не ласковыя. Чего ласкать-то, коль знаю, нехорошо она себя блюдетъ. Ну да ладно, доберусь ужо, все припомню. Красоту-то поиспорчу малость. Послать-бы ихняго брата сюда на мытарства, можетъ какую ни то совѣсть и разыскали-бы... А то жиру бабенка нагуляетъ, а посбить его не кому... Вотъ и бѣсится...

— Здѣсь скушно безъ птицы. Ребячью пору, не только, что побоями, а и птичьей радостью вспомянуть можно. Не пуститъ бывало тятька, ночую по низкамъ на огородахъ. Кусты—бузина, и самое птичье удовольствіе, ягодникъ кругомъ. Еще и солнца нѣту, а ужъ зашебаршитъ птица по кустикамъ, и голоса пробовать зачнетъ. У нихъ на утрѣ голоса свое солнце имѣютъ. Така радость отъ нихъ, не смочь солнцу на тѣ зовы звонкіе не явиться, не выдержать...

— Обманъ кругомъ, думаешь ты глупо, когда вѣришь всему... Вотъ птица ласточка, сдается, порхаетъ—заботы не знаетъ?.. А она, какъ порхаетъ, только брюхо тѣшитъ... И все такъ, и бабочка, словно сучка, а ты думать радъ, что это она солнце благодарствуетъ... Это все обманъ... А что вѣрить человѣку надобно, то словъ нѣтъ... Только пусть меня научатъ, чему вѣрить не глупо будетъ... Я знаю, кабы человѣкъ свою душу открыть могъ, хотя-бы себѣ самому открылся, поняли-бы люди, чему вѣрить надобно...

— Нѣту мнѣ вѣры въ счастье теперь. Посудить, такъ и грѣхъ объ счастьи то думать, въ черный годъ такой. Ржать то не съ чего. Да только годовъ то мнѣ мало, душа то, хоть и поустала, а зато самому, инда до слезъ смѣху хочется, а нѣту его...

— Придумалъ я разъ машину, сѣлъ на нее, ногами на двѣ на лавочки нажалъ и поѣхалъ. Это велосипедъ такой. Я ужъ и зналъ, что такіе хорошіе есть, настоящіе, а до того сердце лежало. Все думалъ, какъ устроить. Деньги послѣднія тратилъ, не жралъ, не спалъ, и выдумалъ. Только силы въ моемъ нѣту. Дитя проѣдетъ, а взросшій въ щепу раздавитъ.

— Усталъ я воевать. Сперва по дому тосковалъ. Потомъ привыкъ, новому радовался... Страхъ пережилъ—къ бою сердце горѣло... А теперь перегорѣло, ничего нѣту... Ни домой не хочу, ни новости не жду, ни смерти не боюсь, ни бою не радуюсь... Усталъ...

— Я ужъ домой не хочу вернуться, чего я тамъ не видалъ. Здѣсь землю куплю, и съ жителями буду хорошо обращаться, чтобы кровь забыли. Нашей-то крови тоже не мало пролито... Земля отъ крови парная, хорошо родить будетъ... Войну люди скоро забудутъ...

Какъ надѣлъ я амуницію
И пошелъ я на позицію,
На родныхъ теперь начхать,
Мнѣ война, что родна мать,
Наплевать мнѣ и на женку,
Сколько хочешь есть дѣвченокъ.

Коль добромъ меня не схочетъ,
Подъ всей ротой похлопочетъ.
Пусть хозяйство пропадетъ,
Пущай бабы работаютъ,
Да на что ты мнѣ мамаша,
Полно брюхо хлѣба-каши...

Утомилось сердце, малость ссохнуло,
Свѣта сердце хочетъ, да покой-добра,
Тихомирной бесѣдушки.
Нѣту сердцу воли-солнышка,
Да на томъ на безвременьи,
Да на томъ на умертвіи,
На вороньемъ пированіи...

IX.

Очень интересно по вечерамъ было, до сна. Еще говорили промежъ себя до запрету. Чего-чего не переберемъ, съ Бога начнешь, а бабой кончишь... А дома не съ кѣмъ слова перемолвить. Наработался, легъ, и на тотъ свѣтъ. Не съ женой-же разсуждать...

— Сны—одна радость... Какъ не спишь, такъ не живешь... Во снѣ домъ увидишь, со всѣми по людски поговоришь... Я теперь о чемъ молюсь, какъ лобъ-то передъ ночью крещу?.. Молитвы отчитаю по положенію, а потомъ,—подай Господи сонъ про домъ... Кабы не сны, и того тяжче стало-бы...

— Здѣсь у меня друзья-товарищи завелись, Дома не бывало. Баба да ребятки. Сердцемъ за нихъ болѣешь, а говорить нечего.. А тутъ я умнѣть сталъ, человѣка понимать выучился, и на подвигъ пойти готовъ. Брюхо больно дома тягчитъ жизнь нашу...

— Ахъ, у насъ хорошо дома, я нигдѣ не видалъ, чтобы такъ хорошо было... Изба моя на рѣку, черезъ рѣку лугъ видать, по немъ бабы бывало, какъ цвѣты, платками на сѣнокосѣ зацвѣтутъ... А далѣ лѣсъ видать, краемъ словно дымокъ бѣжитъ... Глазъ-то разгонишь, не остановить... Здѣсь мнѣ только то и любо, что на домъ похоже. Смотрю, похоже—красиво, а не похоже, такъ хоть алмазами убери, не надобно...

— Въ старину жизнь шла иная. Народъ, особенно мужики да бабы пожилые, все знали, всему смыслъ видѣли. А мы чуемъ, что не безъ толку вещь есть, а что въ ней—не понять Вотъ, хоть бы эти цвѣтики, маки алые, что промежъ загражденій къ солнцу растутъ, не спроста цвѣтутъ,—не за себя только къ небу тянутъ... Можетъ и за воиновъ молитвы несутъ... Дѣдушки бы знали... А то чуешь, а не твердъ толковать то...

— Память у меня слабая. Я вотъ помню все, что до хозяйства. А насчетъ войны, бей не бей, не упомню. Сорокъ лѣтъ, почитай, мозги на одно натаскивалъ, а тутъ все другое. Кабы еще по душѣ было, а то я такъ разсуждаю, что русскому одно по душѣ,—своимъ домкомъ жить, по чужому не тужить...

— Мнѣ сны хорошіе не снятся. Мать покойная зоветъ меня со двора. А я загулялся-заигрался, не-то и большой я, не-то дитя малое. Будто, съ товарищами бѣгаю, а водку въ умѣ держу. Молъ, въ ловишки кого обѣгу,—шкаликъ. А маменька кличетъ, бить хочетъ. На крыльцѣ стоитъ, сама, какъ въ гробу, на лбу вѣнчикъ, и руки крестомъ... И жаль мнѣ, и пойти боязно... Не-то битья боюсь, не-то, что покойница...

— Не разъ, по моему, человѣкъ на этомъ свѣтѣ живетъ. Сны то видятся, бываетъ, такіе, что ровно на своемъ дворѣ, въ какомъ то чудномъ краю живешь. Да еще и не разъ, не два такой сонъ видится, а почитай еженощно. На картинкахъ, и то не сразу такое уразумѣешь, а во снѣ тамъ, ровно рыба въ водѣ...

— Эхъ, личико дѣвичье, красивое. Не похабныя оно дѣла творитъ. А напротивъ того, душу мягчитъ. Эдакая ягодка, какъ усмѣхнется, только что доброе и дѣлать хочешь. Всѣмъ бы одарилъ, а ужъ худого, такъ только что себя противно станетъ, за пакость за старую, за какую...

— Приходилъ къ намъ въ село тальянецъ одинъ, съ камнями, да съ рѣзной разной всячиной. Красивый, хоть и черный, какъ жукъ. Очень наши бабы на него заглядывались, да и онъ на нихъ. Бывало, только и слышно, что коло какой ни то юбки сопитъ. Сбилъ онъ старостину дочку. На порѣ была дѣвица, судьбы ждала. Онъ ее и взялъ, ровно грушу спѣлую снялъ. Ушла съ нимъ въ городъ. А черезъ годъ вернулась съ младенчикомъ, сама худая стала, да все плачетъ. А тутъ еще ее и мать и отецъ колачивать стали. Придушила она своего тальянчика и въ прорубь зимой ушла...

— Что ты мнѣ врать будешь, про чувства про какія особенныя. Самъ женатый, знаемъ, какъ мужикъ подъ вѣнецъ то идетъ. Одну любитъ—другу въ жены беретъ, одну голубитъ—другу походя бьетъ. Вотъ тебѣ и всѣ наши чувства. Пока мы богатѣями не задѣлаемся, не будетъ намъ отъ вѣнца, да добра конца...

— Уйди, говорю, нѣтъ мнѣ отъ тебя прибыли ни какой. На что ты мнѣ. Кабы любилъ я тебя, все другое было бы. А то, только представилось мнѣ, что любовь я до тебя имѣю. Ни пить я не бросилъ, та же муть въ головѣ, ничто мнѣ не мило, никакое тако солнце на жизнь мнѣ не свѣтитъ. Только что ты, а не другая какая. Обманутъ я...

— Я очень красивый, бабы льнутъ, что пчелки до цвѣтка. И я имъ не отказчикъ. Только все жду, что по другому будетъ. А то, что такое, ровно псы, али коровы. Принюхались, и пара... Можетъ, что еще и будетъ, мнѣ двадцати трехъ нѣту... На что нибудь и красота нужна... А то, что сахаръ въ чай...

* * *

На какой голосъ реветъ, на какой голосъ поетъ,
На тотъ на голосъ, что смерть даетъ...
Приди человѣкъ до пóлсудьбы,
Приди солдатушко до полубоя,
Какъ и бой не бой, людямъ убой,
Какъ рветъ и землю и дерево,
И солдатское тѣло томлёное.
Во сосѣднемъ селѣ бѣлы рученьки,
Во чистой рѣкѣ побѣдна головушка,
Во густыхъ хлѣбахъ быстры ноженьки,
Во глубокомъ рву ясны оченьки,
А какъ кровь тепла во сырой землѣ,
Во сырой землѣ, во чужой странѣ,
А душа крещена въ поднебесьи,
Въ поднебесьи-величаніи,
За солдатское послушаніе...

— Вотъ теперь, что я хоть все разсказать могу, неслушаетъ кто, одно только мнѣ и осталось... Баба моя красивая, а какъ ноги отняли, вотъ какъ на нее злоблюсь, думаю ей зла всякаго... А пуще всего, рожу ей попортить желаю... Красивая Евлампія моя, я и здоровый былъ, руки-ноги цѣлы, въ порядкѣ мужчина, а очень ее беречь приходилось... Зарился мужской полъ, и она на всякаго глазъ наводила... А теперь ничѣмъ она въ бѣдѣ моей невинна, только простить мнѣ никакъ невозможно... Рѣшилъ я домой не вертаться, а писать, какъ-бы я цѣлый, только къ ей, за характеръ ейный ѣхать не хочу.—Пусть до смерти грозы ждетъ, и меня цѣлаго помнитъ...

— Другъ мой, читалъ я столько, что теперь я тебя во сто разъ умнѣе... И стыдно мнѣ передъ эдакимъ невѣждой зазнаваться... А душа у меня такая, что сама себѣ чести проситъ...

— Съ Машей у меня большое горе вышло теперь, на грѣхъ я домой ѣздилъ... Писалъ, что ѣду, а они не получили. Тридцать верстъ отъ чугунки, лошадь нанялъ, вечеромъ пріѣхалъ. Окно свѣтлое. Гляжу, Марья сидитъ, и съ ей рядомъ какой-то чужой. А руку ей, между прочимъ, за пазуху засунулъ, и такъ спокойно сидитъ... Душа оторвалась, хочу разразить, а разумъ держитъ... Я въ окно стукъ... Она такъ спокойно встала, видно всѣ ужъ знали, давно такіе порядки завелись. Къ окну подошла, рукою отъ лампы прикрылась, присмотрѣлась, да какъ задрожитъ... А у меня такая радость отъ ейнаго страху, ажъ трясусь весь... Отошла, на хахаля смотритъ, глаза круглые, а дѣлать что—не знаетъ... Сказала, онъ бѣжать... А я ее смертнымъ боемъ билъ, да утромъ въ городъ уѣхалъ, всѣ деньги дѣвкамъ прожилъ...

— На паровозѣ пристроился я очень даже хорошо. Товарищи у меня лихіе были ребята, и погулять, и поработать,—все умѣли. И дружбу водить умѣли, до самаго сокровеннаго умѣли дружбу держать. Эти за кость не перегрызутся, нѣтъ...

———

— Пошелъ я, стыдно мнѣ, знаю, что къ своимъ за тѣмъ не пойти бы. Зашелъ и дѣвка та сидитъ. Глядитъ льстиво, знаетъ зачѣмъ. Я и вижу, что гулящая, да не мое солдатское это дѣло по начальству бабу водить. Постоялъ, посмотрѣлъ, помолчалъ, да и ушелъ. А онъ мнѣ за то опосля много гадилъ...

———

— Ноги у ней маленькія, да въ чудныхъ полсапожкахъ. А руки, четыре въ одну зажмешь. Сама до меня тулится, будто нечаянно, а у меня нутро играетъ. Здоровъ былъ, и до женскаго полу охочій. Полюбилъ я ее, такъ зажалѣлъ, нѣтъ мнѣ никого милѣе. Вотъ и слюбились мы. Хожу я, ровно, чадной, только объ одномъ и думаю. Что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все любо. А тутъ врагъ попуталъ, надошелъ я не во время, съ учителемъ ее засталъ. Не вѣрю я теперь, и нѣтъ для меня добра никакого. Все дря́нь...

———

— Ужъ какъ я женился, и сталъ, что ночь, съ жонкой спать, понялъ я бабью сладость. Только за работой и живешь, бывало. А какъ въ рукахъ дѣла нѣту, только что переминаешься, да ночьки дожидаешься. Такъ душу не сберечь, бабій ядъ крѣпкій...

———

— Прихожу, стучу, не отзывается... Погодя пустила, я къ окну, а отъ окошка парень деретъ, и портки въ рукахъ... И чего у бабы отъ чужого отъ

мужика убудетъ—не понять, а только нѣтъ для нашего брата злѣе, какъ такое увидѣть...

— Сунулъ мнѣ въ зубы трубу, ажъ кровь пошла, —дуй, говоритъ. Эдакъ три недѣли мучалъ. Ѣсть я пересталъ. Сталъ у меня ротъ, ровно луженый. Кровью сталъ плевать. Все по зубамъ тычетъ, какъ ошибусь. Подъ эдакую музыку, не запляшешь...

— Эхъ, ловкая шельма, вижу, что не мнѣ одному кровь полируетъ, а споймать ее не могу. Ругаюсь бывало, а она говоритъ,—ты поймай, а то не замай... И вышло не очень пріятно. И ей всю вывѣску испортилъ, и себя попустилъ до того, что по сю пору, какъ вспомню, сердце въ смолѣ горячей кипѣть зачинаетъ.

— Не вѣкъ же ты съ бабой сидишь, а бабѣ свободнаго мѣста не вытерпѣть. Сейчасъ она кого ни то и пуститъ. А ты тому радуйся, что коли ты съ ней на печь, такъ ужъ другому негдѣ лечь, и то ладно...

— Любилъ я деньги и добро всякое прежде. Все, не то что свое считаю, а хорошо и папашино зналъ, и наслѣдства ожидалъ съ мечтаніемъ. Одежу на войну дали, все аккуратненько справилъ, берегъ и сапоги, и мелочь разную. А попалъ я сюда, да продырявился на первый мѣсяцъ,—и отпалъ я отъ вещей, разъ и навсегда, словно, съ войной то никому вещи не по росту. Выросли мы больно, души, такъ и той не хватаетъ...

— Околдовалъ старый чортъ Марфу. Я ее улещиваю бывало, и того ей, и этого, все, вижу, не мило. Сама сухая стала, и жаромъ отъ нее пышетъ, узнать не узнаешь. А потомъ пришла до меня, руки въ боки, выдь, говоритъ, вечеромъ за околицу, къ столбу, правду

увидишь. И увидѣлъ я, каковъ крѣпокъ старый песъ. Я полѣномъ, а они меня бить. Да въ тѣ поры, она ко мнѣ и не вернулась, съ тѣмъ живетъ. Спаровались, словно голуби. Ему то шестой десятокъ, а ей двадцати не было...

— Меня за что бабы любятъ. Я какую угодно строгую улещу. Да и дѣвку испорчу, очень даже легко. А все потому, что ласковъ. А наша баба не привыкла до того. Приманю ее смѣхомъ, а какъ привыкнетъ, я съ ней, надъ ейнымъ горемъ, и поплачу. Тогда и бери ее руками голыми, вся твоя...

— Женатый, онъ человѣкъ настоящій, у него плоть сытая, не балуетъ. А холостой,—болтъ туды, болтъ сюды... Ровно языкъ колокольный подъ юбками болтается...

— Остался я, забыли что-ли. Сторожу... День живу, сухари ѣмъ. Второй день, не стало сухарей. На третій, такъ голодно стало... Пошелъ искать, нашелъ грибъ. Воду въ жестянкѣ закипятилъ, съ грибомъ съѣлъ, все вырвало. Что дѣлать? За мной не идутъ... Къ вечеру, хоть помирать впору, животъ болитъ, корчитъ, рветъ... Холера напала, пришли и въ баракъ взяли... Вотъ те и вся моя служба была...

— Зайченки изъ зайчихи, въ мѣшкѣ такомъ лѣзутъ... Вродѣ, какъ-бы рыбій пузырь. Какъ мѣшокъ вылѣзъ, такъ лопнулъ, и зайченковъ въ стороны, да вверхъ.... Такъ они прыгать-то и научаются. И всѣ прыгуны такъ, и блохи...

— Я работалъ въ полѣ до темна, очень притомился, на снопѣ прикурнулъ да спать. Ночью—тепло подъ бокомъ. Я рукой, дѣвка лежитъ... Ажъ сердце запрыгало... Я до ней притуляюсь,—ничего, я ее ласкать, не противится... Потомъ больно мнѣ узнать хочется, чья такая?.. Я тихонько спичку вынулъ, да чиркъ... Красивая, и совсѣмъ не знаю. Ни въ нашей деревнѣ, ни на селѣ, такой не видывалъ... Глаза черные, строгіе... Встала и пошла... Я ее за руку держу, не до-сыта цѣловалъ-миловалъ, не допустила больше-то... Я за ней. Цыганская телѣга на дорогѣ, старуха сидитъ, и ребятки малые, словно жучки... Мужиковъ никого... Моя-то влѣзла, ни разка не взглянула, да по лошади... И ушли всѣ шагомъ... Словно приснилось...

— Хворала она, хворала, а здороваго къ здоровому тянетъ. Связался я съ другой. Опротивѣлъ мнѣ домъ мой, жаль жены, ничѣмъ невинна. Какъ жаль, сказать не могу... Ни разку не попрекнула, а что знала, не сомнѣвался я... Взгляду ейнаго боялся... Все она молчала, до самой смерти...

— Сестеръ я, да братьевъ, совсѣмъ не любилъ. Однако, какъ старшій, заботу держалъ. Особенно, какъ въ дѣвкахъ сестры сидѣли. Одна такъ до сей поры безмужняя, а двадцать четвертый пошелъ. И красивая, ну ни къ чему ее не приневолить. Маменька надъ ней до устатку билась, изъ синяковъ дѣвка не выходила... Нейдетъ, да и только... Одинъ уменъ, да рыжъ, что морковь. Другой красивъ, да глупъ, что рѣпа. Третій богатъ, да лысъ, что рѣдька. А тотъ и богатъ, и уменъ, и красивъ, да, что лукъ, сердитый... Ей, что мужикъ, что фрукта огородная.. Такъ и продорожила. Теперь, вѣрно, за хрѣна, за стараго пойти придется... Изъ огорода бабѣ не вылѣзти...

— Зашелъ я къ нему въ трактиръ. Сидитъ за прилавкомъ, рожа у него надъ столомъ, ровно самоваръ, стоитъ, красная. Не вѣрю, тотъ ли. Говорю, здорово. Узналъ,—садись, гостемъ будешь. А тутъ женка его вышла, красота. Я на нее отъ зависти и позарился. Не для ради любви отбилъ, а по злобѣ. И бросилъ легко. Баба меня сама николи не возьметъ, только ради мужика, что при ней. А то, хоть бы и не было, ровно животное несмышленое...

— И кота пріучить можно, только отъ кота ничего особеннаго требовать нельзя. Только, чтобы гладкій былъ, да пѣсни пѣлъ, да брюхо грѣлъ. Что котъ, что баба, все едино...

— Я этого не смогъ перетерпѣть, что я мальчишка что-ли, чтобы меня бить. Пришелъ и доложилъ, а замѣсто правды меня въ карцеръ, да опять бить. А вернулся, такъ издѣвались... Просто до чего плохо жилось... Здѣсь же я все прощаю, всѣ вмѣстѣ мучимся...

— Смотрѣть то не на что. Вещь вся въ кулачекъ, голова большая, глаза сердитые, хохлится, и на мѣстѣ, ровно жабка, присаживается. А запоетъ, въ глоткѣ то царскіе звоны, да ангельски голоса...

До такой до чистоты, только Божьей росой и можно домыться. И такъ, и такъ, смѣху подобно дѣтскому радуется, за грѣшныхъ за людей угодниковы плачи повторяетъ, путь житейскій забыть можно весь. И такъ долго, и наново поетъ, до умильныхъ думъ доводитъ соловей такой...

— Жизнь бабья тяжкая. Дѣвкой тятька бьетъ. Замужъ пошла, пока изъ дѣвокъ-то въ бабы переведутъ, что мучается. А бабой стала, заботы достала. То съ брюхомъ кряхтитъ, то ребятъ родитъ. А и мужъ, пьетъ, аль не пьетъ, а бабу бьетъ...

— Смотритъ Адамъ, тянетъ солнышко изъ земли стебель бѣлый. Тянется стебелекъ, а цвѣтокъ на томъ стеблѣ бѣлъ и румянъ. Очи лазоревыя, коса по плечамъ золотая, нравъ легкій, голосъ—слаще щебету птичьяго и словно котенокъ ластится...

— Меня попъ позвалъ и говоритъ: „грѣховъ надѣлалъ ты большихъ. Умнѣе прочихъ, значитъ ты и въ отвѣтѣ"... Кабы я зналъ, что бѣда будетъ. Шли то мы, крови въ умѣ не держали... Я парнямъ сразу наказывалъ, не до смерти бить. А спустить такому смердящему, никакъ не возможно... А пришли, да бить стали, пока кричалъ, такъ били чтобъ молчалъ. А какъ замолкъ, такъ какой въ емъ толкъ... Такъ и убили... А въ душѣ того не держали...

— Не дѣвка, а кобыла, на каждый сучокъ ржетъ... А та свѣтла и мила, да достать не дала, вотъ и смѣнилъ соху на блоху...

— Вотъ бывало, маменька моя нѣжна была. Житье то и бѣдное, и тѣсное, а она намъ, бывало, по избѣ то солнышкомъ свѣтитъ, и грѣетъ. Встанетъ съ зарею, да передъ полемъ то и покреститъ и поцѣлуетъ, рожу смоетъ, и чего у себя урветъ, а ужъ въ ротъ сунетъ. А подростать стали, съ отцомъ изъ за насъ войну вела. Мала да худа, сама въ кулачекъ, а такіе побои выдерживала,—не хуже клячи ямщицкой. Все вынесла, а насъ и грамотѣ обучила и въ люди вывела. Одно только и было у меня хорошее,—мамаша моя... Царство ей небесное...

— Видѣлъ ли кто добра отъ жены. И ждать ничего не ждешь, а все обидно душѣ бываетъ. Пока баба новая, не притерпѣлся къ ней, такъ хоть сладость есть. А какъ притрется все по мѣркѣ, такъ только ейную глупость, да душу пустую и видишь. Нѣту у

бабы ни вѣры, ни разума. Только страхъ, да мыши въ головѣ...

— Мы мать любили, и никакого ей горя не хотѣли. Отецъ, пьяница, изобьетъ ее, бывало, до красна. Богу я молился, поскорѣе вырасти. Постой, думаю, с... с.., узнаешь, каково маменьку за косы таскать. А выросъ,— запилъ... Сперва-то меня и отецъ, и маменька колачивали, а сдужѣлъ, отца набилъ, да грѣхъ такой, и до матери добрался... Вотъ те и заступникъ...

— Мать горюха завсегда. Была древняя матерь, сыновъ ея убили, одного за другимъ вороги загубили. Слезы повыплакала, кровью стала по послѣднему плакать. Скорбящая она была матерь, скорбящею и звалась. Тоскою та матерь всю землю исполнила. До споконъ вѣковъ материна скорбь набольшая...

* * *

Стала матерь выть-причитать:
Вернись, глазокъ ты мой ясный,
Вернись, свѣтъ ты мой красный,
Вернись, вѣтеръ мой дольный,
Вернись, соколъ мой вольный,
Вернись, цвѣтикъ весенній,
Вернись, сынъ мой послѣдній...

—

Охъ и ахъ мнѣ безталанному,
Погляжу я кости узкія,
Погляжу—волосья рѣдкіе,
Погляжу я руки слабыя,
Погляжу я ноги хилыя,
Погляжу я да подумаю:
Горько жить мнѣ неудачному,
Охъ и ахъ мнѣ безталанному...

Ужъ какъ по саду, по веселому,
За павой пястрой, шла кукушечка.
Шла кукушечка присѣдаючи,
Долю горькую проклинаючи.
„Ты пава пястра, ты пава красна,
Не носи яицъ, за чужи прясла...
Я сыновъ снесла, за чужи прясла,
За чужи прясла, сусѣдки корма.
Кукушиный царь разметалъ перье,
Разметалъ перье, навострилъ копье.
Загремѣлъ войной на сусѣдушекъ,
Пропадать сынкамъ всѣмъ, безъ слѣ-
душекъ.
Коль не царь войной, такъ сусѣдъ
метлой,
Знать сусѣдушка—не отецъ родной“...

X.

Я съ дѣтства пужливъ былъ. Особливо грому я боялся. Какъ ударитъ, удержу нѣтъ, боюсь. Здѣсь я силы теряю отъ страху. Не смерть меня страшитъ, мнѣ жизнь здѣсь очень тяжелая. Всѣ стыдомъ стыдятъ, трусъ молъ. Да развѣ я радъ?.. Да я бы жизнь свою, ровно луковку, отдалъ, только-бы не бояться, нате, берите... Охъ, я здѣсь очень не на мѣстѣ, мнѣ-бы въ лазаретъ, до раненыхъ служить... Жалѣю, и рука легкая... Вотъ-же, не будетъ такого счастья...

— Осмотрѣлъ ее фельдшеръ, гдѣ достала, говоритъ, стерва?.. Мужъ-де пріѣзжалъ и наградилъ. Врешь, мужъ такой бѣды своей законной женѣ не сдѣлаетъ.. Она плакать, вѣрно,—говоритъ,—меня офицеръ позвалъ, приходила чтобъ вечеромъ, бѣлье взять. Я пришла, а они трое меня ажъ до полночи мучили, отпустили, и три рубля дали... Съ той поры и хвораю... Это въ ** было, штабные съ жиру бѣсились...

— Стою я часъ, другой, усталъ до того, что ногъ не чую. А онъ, какъ не пройдетъ, все ругаетъ, да кулакомъ выправку поправляетъ. Потомъ то къ четвертому часу, просто память потерялъ, а все на ногахъ. Тутъ не упадешь. Только страхъ и держитъ, а силы никакой...

— Его скоро подстрѣлили. Особено падалъ онъ, умирать какъ сталъ. Сперва на лицо, а потомъ подскочилъ, и на спину легъ... И чего это все такое помнишь?.. А мой братишка, такъ та́къ умеръ. Ужъ много пробегъ, а тутъ одна пуля ему въ руку,—онъ дальше, другая ему въ плечо,—онъ дальше, а тутъ ужъ хлобыснуло его пулеметомъ по ногамъ. Упалъ...

— И вошелъ въ избу невеликъ, сѣръ человѣкъ. Лицо у него темное, да сухое, а глазъ острый. Я, говоритъ, по душу приду, когда самъ позовешь. А теперь, на вотъ тебѣ яблочко. Какъ съѣшь его, такъ и живи наново. Только помни. Учить я тебя ничего не буду, смерть же твоя черезъ меня только быть должна. Прощай... Да и сгинулъ. Трясется мужикъ, на яблочко глядитъ. Думаетъ, эдакъ я до скончанія свѣта проживу, а ужъ самъ не покличу. Да и съѣлъ яблочко. И сталъ молодой, будто, и кра́сивый, одѣтъ нельзя лучше,

денегъ полна мошна. И начались его мытарства съ того дня. Сперва то, все порастрясти боялся, и золото, и силу, а потомъ, какъ увидѣлъ, что деньга́ то у него неразмѣнная, онъ и пошелъ себѣ разныя сладости доставать. Сперва только брюхо свое, да похоть тѣшилъ, а потомъ, мало того стало,— мучить да убивать началъ. А послѣ то, душа опала, сладость ужъ и принять нечѣмъ. Чернѣе ночи жизнь его пошла. Только что дьяволу на́ зло, душу то берегъ. А дошелъ до послѣдняго, смерти и покликалъ. Пришелъ сѣрый къ ночи, забралъ душу, да во адъ до скончанія вѣка...

— Дѣвочка у меня хороша, ни въ мать, ни въ отца... Мать-то съ замужества самаго, почитай съ 17-ти лѣтъ, запойная... Отецъ ея Сидоръ такой-же былъ. Дѣвочка Машенька родилась. Грудную Арина била. Не въ себѣ, реветъ бывало, а дѣвченку почемъ зря, всей рукой бьетъ. Я отымалъ, какъ дома былъ. Вотъ грѣхъ бывало, ни работы, ни охоты... Все прахомъ идетъ... Машенька-то по третьему годку читать выучилась, по картинкамъ... Хорошо читала. И такая была непохожая, маленькая, ласковая, всякую букашку жалѣла... Теперь на выданьи. Телеграфисткой была, да мать наскандалила пьяная, выгнали. Руки на себя наложила, выходили въ земской... Жалѣетъ ее врачъ нашъ, учить собирался... Что съ ней теперь,—не знаю...

— Вотъ скажу, что это за поконъ вѣковъ за такой. Еще до вѣку пришелъ грозенъ потопъ. А прошелъ людямъ тотъ потопъ, пришелъ тогда и вѣкамъ поконъ, время зачалось... Вотъ это что...

— Середь темна бора, середь темна лѣса, Зовутка живетъ. Слышитъ Зовутка вокругъ себя, и вокругъ себя, и подаль себя. А какъ малъ тотъ Зовутка, да весь

въ ногахъ. Ноги его долги, ноги его быстры. То тутъ то тамъ, то по край лѣса. То по край лѣса, то по край свѣту...

Сказку сказывать,
Сердце радовать.
Пѣсню пѣть,
Богу радѣть.
Черно слово сказать,
Свою душу вязать...

— Подобралъ я его самъ, на шинелишку австрійскую положилъ, да за рукава въ околодокъ тащу. На рукахъ не осилить, онъ противу меня, что слонъ былъ... Стонетъ онъ, и слова говоритъ. Я скрозь горя не слышу хорошо-то, а оглянуться на него—жаль до смерти... Кровища изъ него рѣкой шла... Мертвымъ дотащилъ...

— Присказка военная не такая, какъ прежде... Прежде, тяготу несешь,—жизнью идешь, а теперь трудъ да забота,—все на смерть работа...

— Дошлый народъ трактирные. Онъ тебѣ, за семишню, съ бабкой родной спать станетъ. За мѣдный пятакъ, и эдакъ и такъ. А ужъ за полтину, дугою спину... Замѣсто души, у него грошъ мѣдный, вытертый... Вотъ ужъ вѣрно, что—въ кружалѣ жилъ, ума нажилъ. А какъ за порогъ, свиньею легъ...

— И я на себѣ вынесъ вонъ этого. Халявкину-то вѣдь восемнадцатый годокъ, чай жизнь-то въ немъ крѣпкая. Вотъ я и зажалѣлъ... И парень вѣдь тихій, а какъ несъ, такъ меня усовѣщивалъ, да все матерно...

Вотъ с... с..., ну да ладно, мамкѣ на тебя ужо нажалуюсь, она тебѣ штаны-то сыметъ...

— Деньщику подвигъ одинъ,—заря въ оконцѣ, сапоги, что солнце. А я ошибся малость, пожалѣлъ, что горячаго онъ долго не ѣлъ, да и пошелъ съ кастрюлею,—а меня по ногамъ пулею...

— Смерть, она бываетъ, сама себѣ выбираетъ. По другому, врагъ все, что знаетъ, въ ходъ пущаетъ,—невредимъ. А тутъ сидитъ человѣкъ и вошь гоняетъ. Сто лѣтъ ему вошь гонять, анъ глядь, самого ровно вшу разщавлило...

— Кто смерти не боится, не велика птица. А вотъ, кто жизнь полюбилъ, тотъ страхъ загубилъ...

— Здѣсь развѣ покойникъ чѣмъ ужасенъ? Здѣсь не боязно, здѣсь въ емъ души-то нѣту, вокругъ она не ходитъ... Здѣсь у насъ душа общая... Коль въ тебѣ что отъ нее есть,—не ужаснешься...

— Душа, по моему, не у каждаго человѣка бываетъ. Ты вотъ что мнѣ скажи, кабы Рѣзниковъ померъ, развѣ-жъ мы-бъ, коло такого покойника, чего испужались?... Ни въ жизнь... У него жизнь идетъ, что трава растетъ, а въ гробъ ляжетъ, только что ... перестанетъ...

— Да, другой человѣкъ трудно душу отъ тѣла отрываетъ... Онъ томится, томится, пока смерть ослобонитъ... И не то, что хворый какой, а жизнь такому,—гиря тяжкая... Все не по немъ, все онъ чего-то людямъ виненъ, а какъ отдать, и не знаетъ... Вокругъ такого, душа долго ходитъ, людей ужасаетъ...

— Мы ничего не боимся, какъ стрѣляютъ думать некогда, и не ранили ни разу. А и убьютъ, все равно умирать, что тамъ, что здѣсь, все едино... Молодому-то еще и лучше, худа мало надѣлалъ. А старый ни себѣ, ни людямъ...

— Смерти я больше по ночамъ боялся. Какъ на воздухѣ вольномъ уснешь, къ работѣ глаза продерешь,— думать некогда. А зимой ночь долгая, духъ тяжелый, работы мало... Середь ночи, ровно толкнетъ тебя кто, сна ни въ одномъ глазу, словно и не было. Вотъ, тутъ сердце застучитъ, ажъ руку тянетъ... Оно стукъ, и рука съ имъ вмѣстѣ... И ужъ знаю, что это я сейчасъ смерти бояться буду, а сдѣлать съ собой ничего не могу... Да и что сдѣлаешь?... Вотъ, что стѣна, вижу, не миновать-же...

— Ровно кругомъ сѣть невидимая раскинута... Ходимъ мы безпечально пока въ сѣть ту не вступимъ... А тутъ, разъ... Прихлопнуло, и нѣтъ души человѣчей...

— Здѣсь и убьешь, по головкѣ гладятъ... Только нѣтъ отъ этого удовольствія никакого... Ужъ чего хуже, душу человѣческую загубить, а ужъ губить, такъ хоть черезъ запретъ... Много легче, какъ совѣстью мучишься... Всей цѣной за грѣхъ-то заплатишь, и нѣтъ его...

— Грѣха нѣтъ, по моему... Коль, что я дѣлаю, а Богъ все видитъ, значитъ въ его волѣ, допустить, ай нѣтъ... Вонъ сынишка въ огонь лѣзетъ, такъ вытащу, да по задницѣ, а коль увижу, не попущу... А Богъ,

Онъ все видитъ... Случиться худу, и на то Божья воля... За Богомъ грѣха нѣтъ...

— — —

— А и есть грѣхъ, такъ въ орѣхъ... Мнѣ смѣхъ больше, какъ люди грѣха боятся... А вѣдь грѣхъ-то кругомъ... Кабы за все углемъ платили, такъ и въ раю никого-бы не было... И святые угодники, блоху давятъ, да травку топчутъ...

— —

— А чего-чего человѣкъ въ брюхо ни набьетъ, да опосля землѣ напакоститъ... Тоже не безъ грѣха...

— — —

— Забавы да гусельки, пѣсенки да бесѣдушки, пьютъ, ѣдятъ, блудятъ съ утра до утра. А спроси, чѣмъ живы. Нѣту для нихъ звѣзды-факела впереди. Только и радости, другъ передъ дружкой манежиться, кто на сколько цѣлковыхъ за день ...

— Нѣтъ, я себѣ теперь запретъ наложилъ на многія думы, только тѣмъ и спасаюсь. Кругомъ не гляжу, и въ душу не допускаю. Велятъ, приказываютъ, дѣлаю, исполняю. А отвѣта не беру ни передъ людьми, ни передъ Богомъ...

— — —

— Мѣсяцъ выкатился, лежитъ дядя, голова у него подъ лозой. Лица не видно, и то слава Богу... А брюхо горой раздуто, и подъ брюхомъ, въ ... мѣстѣ, раки шевелятся... Тетка до него кинулась, голоситъ-причитаетъ, реветъ бѣлугой, а раковъ рукой ловитъ... Чего зажалѣла!...

— Батюшка, батюшка, прошу тебя, учи меня Христа ради... страшно мнѣ... смерти боюсь... Что мнѣ на томъ свѣтѣ будетъ?.. Приду я до раю, спросятъ, что сдѣлалъ добра?.. А я что сдѣлалъ, ничего... Коль работалъ, сердце злобой рвалъ, а отдыхалъ,—безъ просыпу спалъ...

— Сиди мужикъ, умири душу,
Запрети мужикъ вольну думу,
Какъ не быть добру, не быть
работушкѣ,
Не избыть той войны-сухотушки...

—

— Схорони ту войну-горе,
Работушка, широкое поле,
Приберите ту войну всесвѣтну,
Мужички, работнички несмѣтны...

XI.

Земля-землица, родимая мати. Ты породила, ты прокормила... Земля житье наше уютитъ, земля и кости наши пріютитъ. Господь Богъ—отецъ человѣку, а земля мать ему на вѣки...

—

— Больно тѣло свое работой перепружилъ. Отработался, руки-ноги, ровно гири, на бездѣлье не поднять. Мозги такъ совсѣмъ отвыкли, не утруждаются, заматерѣли. А съ войной то, самое время пришло, головѣ кланяться...

— — — —

— Нѣтъ добра въ моей душѣ, для дома оставшихся. Когда читаю, что тамъ жить худо, радуюсь...

Пусть, думаю, пожрутъ другъ друга, какъ гады, за то, что насъ на муку послали...

— Теперь опять же начальство. Ну пущай, не безъ худа оно до тебя. А все польза отъ начальства немалая. Вотъ, онъ тебя, впередъ всего пріемамъ тамъ ружейнымъ, да грамотѣ, обучитъ. Оно вѣрно, что намъ безъ войны, на ружье наплевать... А за то, грамота послѣ войны, первое дѣло будетъ. А еще, кѣмъ мы обуты-одѣты, да сыты. Начальствомъ. А что на наши же, на кровныя, жремъ, такъ то не всякій разумѣетъ. Я, вонъ первый, не добралъ того толкомъ то. У насъ начальство отнять, что двери съ петель снять. Не сдержимъ, да на непогодь и выскочимъ. Такъ тише.

— Отъ той дисциплины больше всего усталъ я. Хоть бы порядокъ какой, а то ничего не понять. Одни слова пустыя, да жиламъ тягота. Чести этой одной столько отдашь, самому то ничего отъ ней не останется. Развѣ жъ я тутъ человѣкъ?.. Весь чужой ...

— Думаю, объявить, аль нѣтъ?.. Хочется объявить, больно не по закону говоритъ. Не то что начальство хаетъ, а просто до царя добирался... И хорошо объявить то было-бы, ротный трешню дать долженъ, да и кто пониже, уважать бы стали. А кто пониже, тотъ до насъ поближе... А не объявилъ... Листковъ я не бралъ противу присяги, зато слушалъ я, до грѣха... Гораздъ разсказывать былъ... И спроси, чего зажалѣлъ, сказать не могу, а не объявилъ вотъ...

— Онъ те околдуетъ... Больно готовъ нашъ братъ... Изобижены, унижены, хуже звѣрья живемъ... Все ждемъ, кто научитъ, вотъ и слушаемъ... Эхъ, кабы они муки не принимали, больше-бъ имъ вѣрили, а то за нимъ не идешь, боишься... За то объявить,—ни Боже сохрани...

— Отецъ-ли мнѣ командиръ, того и шепотомъ не скажешь... Отечеству-ли они сыны вѣрные, того и во снѣ подумать не смѣй... А ужъ для ча они себя учили, да на нашемъ горбу барствовали, того и на смертномъ одрѣ не признаешься...

— Меня такая обида взяла, на это глядючи. И не только что стѣны не валятся, полъ деревяный, электричество свѣтитъ, садики есть, и картины, и все, какъ у настоящихъ богатыхъ людей... А потомъ, какъ подумалъ, что все это дѣлать намъ самимъ-бы пришлось... И такъ рѣшилъ, что лучше просто, какъ свиньи, жить, а ужъ на вокругъ себя силу тратить—не согласны...

— Я посуду видѣлъ у нихъ занятную, на ножкѣ на долгой, рюмка, что ли. Ровно рыба-звѣрь. И таки, и эдаки цвѣта въ томъ стеклѣ, да всѣ ласковые, и глазу сладкіе, что ночка весенняя подъ мѣсяцемъ...

— Сказываютъ, для того выучиться хорошо, осуждать, молъ перестанешь, коли все понять будетъ въ въ пору. А, вотъ, я выучился, вдвое осуждать сталъ, все мнѣ немило, особливо грубость наша... Ровно по ножамъ ходить сталъ межъ грубости, какъ повыучился...

— Никто не согласенъ дальше воевать, развѣ что сумасшедшій... Вонъ Ванятка хочетъ воевать... Такъ онъ себѣ карманъ набилъ, бѣлья прикопилъ, бабъ въ каждой деревнѣ ласкаетъ, Георгія за рану имѣетъ... Такимъ бастрюкамъ счастье... Почти и не люди, а какъ сумасшедшіе...

— Что война... Купцы проторговались, а съ насъ шкуру дерутъ...

— Ахъ гусь, ты, гусь дурной ты, я вижу. Что ты думаешь, все начальство глупѣе тебя, а ты одинъ, какъ Ладинъ?.. Голова котломъ, а самъ соколомъ?.. Ты-бы то, ты-бы это... А ты одно обмозгуй, какъ бы жить безъ бабы?.. И того не придумаешь, а туда-же нѣмца хвалить...

— А у насъ теперь всѣ нѣмца хвалятъ. По нашему теперь, что нѣмецъ, что ученый мудрецъ, все едино... А все съ того началось, что сами больно глупы оказались... Вотъ ужъ вѣрно, что—молодецъ посередь овецъ, а противу молодца,—и самъ овца...

— Все понимаемъ, ничего не забудемъ, научены, что показать вернувшись, дайте только войну кончить... А какъ?.. Что ты мнѣ все „какъ да какъ“, на какѣ, что на конякѣ... Хвостъ трубой, а самъ глупой...

— Я думаю, побьемъ мы нѣмца. Онъ, говорятъ, и теперь въ недѣлю бѣлье мѣняетъ. Скоро надоѣстъ ему безъ хорошихъ удобствъ проживать, отвалится...

— Сожметъ, бывало, сердце мое жалостью, ровно рукою. До слезъ жалѣю я все на свѣтѣ бѣломъ. Все любо, все жалко, все мнѣ ровно дитя родное. Нѣту мнѣ тогда ни нѣмца, ни татарина. Что жукъ, что кошка, что человѣкъ, что камень,—все красою мило, все жалѣю. Черезъ эти нѣжныя чувства, я водку то и любилъ...

— Ужъ какъ зажило, былъ въ Кіевѣ, на Печерскѣ. Позвали испытывать, не разгинается рука. Говорятъ—симулянтъ, притворяюсь будто. Стали два доктора разгинать, *** да еще какой-то нѣмецкая кличка. Тянули, тянули, да такъ разогнули, что кость наружу... При всѣхъ... А потомъ забинтовали, и говорятъ,— на одну атаку и такого хватитъ...

— Ахъ Кіевъ, Кіевъ гордъ... Больно хорошъ, ужъ такъ-бы тамъ жилъ, вѣчно... Вотъ, говорятъ, грѣхъ безъ работы болтаться, а я такъ думаю, что работать грѣхъ... На то и солнце на небѣ, чтобы ему радоваться, а ужъ какая это радость, когда горбъ отъ натуги трещитъ...

— Утомились мы на работахъ. Когда и по заповѣди вѣрили, что за труды много грѣховъ простится. А коли вспомянешь бывало, что и согрѣшить то за работой некогда,—такъ тàкъ на грѣхъ тянетъ, ровно нѣту на свѣтѣ ничего грѣха милѣе. Надо думать, что черезъ силу работать, не очень для спасенія души полезно...

— Господи, до чего я теперь веселыхъ люблю! Все такому отдать бы радъ послѣднее. Ужъ больно въ лихолѣтьѣ младость тратимъ... Тутъ только веселый товарищъ и подкрѣпитъ, ровно винцо...

— Одно есть на свѣтѣ самое наинужное, по моему,—чтобы это праздникъ былъ. Только ради праздниковъ и трудъ то подымаешь...

— Нѣту радости мнѣ отъ пустыхъ дѣлъ, и всякихъ разговоровъ. Срослась моя душа, въ юрода въ какого то оборотилась, отъ здѣшней жизни тѣсной. Можетъ когда ни то и будутъ люди на землѣ слободно жить, и другъ объ дружку, душу свою, до мозолей натирать перестанутъ—а пока что, ровно въ бочкѣ...

— Время пришло не объ складности какой, да не объ устройствѣ думать. Нѣту силы, мочи человѣчей, чтобы ту бѣду-войну истребить. Нѣту той бѣдѣ-войнѣ конца краю. Такъ ужъ тутъ ли думки думать про хозяйство свое да про удобное житье какое. Душу обдумай, на томъ свѣтѣ только на ней все и держится. А ужъ на этомъ то, нашей жизни не быть свѣту радости...

— Братцы мои кровные, и за что это насъ, пѣшихъ, казаки не любятъ? А за то, братцы, не любятъ, что они до людей не привычны... Человѣка не осѣдлаешь, онъ те такого козла дастъ,—духъ вонъ...

— Какъ Господь пустилъ солнышко по небу ходить, и смѣхъ сталъ по людямъ цвѣсти. Говорятъ, что и солнцу умереть суждено. И вѣрно, что къ тому идетъ. Ужъ и за мой вѣкъ, меньше люди смѣяться стали...

— Здѣсь по пустому пекутся. Брюхо устрояютъ потеплѣй, а душу то знать, ужъ на томъ свѣтѣ наскрозь прогрѣютъ.

— Война войной, а не въ войнѣ дѣло для души человѣчьей. Коли бъ намъ времени на этомъ свѣтѣ отпущено вдосталь было,—такъ и про войну судить стоило бъ. А то, жизни то самая малость, да черезъ ту малость на вѣкъ душу живу провести надобно. Тутъ и война то, только что шкуру пощиплетъ, одна работа— душу сберечь, хоть въ миру, хоть на войнѣ на этой...

— Онъ и проситъ, Господи,—говоритъ,—залей тотъ костеръ, пусти Ты меня на землю, наученъ я теперь, наново жизнь проживу. Только стухъ огонь и земля разверзлась. Выскочилъ онъ на землю кубаремъ, да съ разгона то память отшибъ. Наново такое въ новой жизни чинить сталъ, что опосля смерти, ему костеръ то втрое развели...

— Я думаю такъ, послѣ войны хорошо жить будетъ. Всѣ выучились, чего можно, чего нельзя. Я первый, живъ буду, такъ учиться стану, до голоду семью доведу, а выучусь... Женѣ писалъ, пусть она мнѣ бастрюка принесетъ, а чтобъ моихъ ребятъ учила. Какъ родитъ, не буду бить, а какъ мальченокъ не поучитъ,—убью смертью...

Ты лети лети газета
Во деревню бѣдную,
Раскажи роднѣ газета
Про войну побѣдную.
Чтобы знали нашу долю,
Про сыновъ бы вѣдали,
Чтобъ воину дали волю,
А въ обиду бъ нé дали...

— Я бы самъ каку войну выдумалъ, для справедливости. Чтобы на годъ муку принять и другимъ грозы надѣлать. Да, чтобъ потомъ на бѣломъ свѣтѣ всѣмъ хорошо жилось. Коль и загубила-бъ насъ та война, такъ дѣтямъ да внукамъ, можетъ, вольготнѣе зажилось бы. Хоть и не слѣдъ присяжному признаваться, а сказать скажу—знаю супротивъ кого война надобна...

— Сколько мнѣ еще жить—не знаю, а ровно мнѣ сто лѣтъ теперь. И не то, что слабый, али безубый,—нѣтъ. А только умнѣй сталъ, и по пустому не ржу. Хуже стало, какъ война уму-разуму научила...

— Стой, помолчи, огненнаго слова послушай. Небо теперь говоритъ, да преисподняя. Человѣчья рѣчь притаилася. Чья дума выдумала пушки, да еропланы—не вѣдаю. Одно вѣдаю, большой покосъ смертушкѣ уготовали. Придетъ конецъ войнѣ, не быть смерти на землѣ. А и будетъ, такъ тиха, скромна. Отвалится смерть ровно піявица сытая...

— Да что бы тебѣ лучше то сказать, про Бога Господа нашего. Не можетъ того быть. По всему видно есть Господь. И по красѣ, и по думѣ по нашей, и по силѣ, и по слабости человѣчьей. Очень глупымъ быть надобно, чтобы Господа Бога не замѣтить.

— Запиши ты твердо слово: наша жизнь такая теперь, что вѣкъ ее помнить надо. А то и не живи потомъ, на тотъ свѣтъ уйди... Коли мы эту нашу жизнь, теперяшнюю проспимъ, такъ, значитъ, насъ и трубѣ при страшномъ при судѣ, не разбудить будетъ. Не только, что помнить, а и вѣкъ по новой по наукѣ жить надо до смерти...

* * *

Эхъ, кого винить, кого грѣхомъ корить,
Эхъ, кабы знать намъ то, кабы вѣдати,
Да не нѣмцы то, не поганые,
Не австріецъ, болгаринъ—продана душа,
Да никто человѣкъ не виненъ войнѣ.
Сама война съ того свѣта пришла,
Сама война и покончится...

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣд. читать.
14	8 сверху	проходитъ	приходитъ
14	8 „	дѣхъ поръ	тѣхъ поръ
15	4 „	рабятъ	ребятъ
18	3 снизу	завистливая	завистлива
19	7 „	стремяжную	сермяжную
22	4 „	почетлива	почестлива
22	2 „	усердна	усердная
23	7 „	въ концѣ	въ оконцѣ
29	5 „	какъ съ ногъ свалился	какъ кто съ ногъ свалился
31	2 сверху	Тиха	Стиха
31	3 „	граняется	грянется
34	1 снизу	раззуздилась	раззудилась
87	16 сверху	задъ	задомъ
135	2 снизу	лихолѣтьѣ	лихолѣтьи.

Изданіе Издательскаго Подотдѣла
Комитета Юго-Зап. Фронта Всерос. Земскаго Союза.
Кіевъ, Крещатикъ 8-а, кв. 3.

Цѣна 2 р. 50 к.